

Ленни Лоренц
Раннвейг Ингольд

Северная Сага

Ленни Лоренц
Раннвейг Ингольд.
Северная Сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558719
ISBN 9785448564192

Аннотация

Дебютный роман автора в жанре реалистичного фэнтези, приправленный классикой средневековых интриг, сражений, мифологией древних богов и самыми главными вопросами о смысле жизни и смерти. Традиционное реалистичное фэнтези + современная жизненная философия и постмодерн загадочной и скользкой змейкой сливаются в совершенно непредсказуемый и новый стиль, который точно придется по вкусу молодым и любопытным!

Содержание

Глава 1. О порядочных шлюхах	5
Глава 2. Почему я стала курить?	21
Глава 3. Смерть	30
Глава 4. Бронзовый Лис	50
Глава 5. О том, как плохо путешествовать на голодный желудок	82
Глава 6. Кеннет	109
Глава 7. Стальная дева	121
Глава 8. Три брата	136
Глава 9. Первый враг	148
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Раннвейг Ингольд Северная Сага

Ленни Лоренц

© Ленни Лоренц, 2017

ISBN 978-5-4485-6419-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. О порядочных шлюхах

...Я видела, кровь, фонтаном, хлещущую из рваной раны запястья, заливающей мне грязные ноги и белоснежно-серую шерсть вожака, обезумевшего от запаха алой жидкости и наносящего мне укусы то в лодыжку, то выше колена. Не чувствуя его острых, как кинжалов, зубов, пребывая в сильном болевом шоке, я наносила удары то влево, то вправо, еле балансируя на окровавленных ногах, но сталь лишь пару раз поцарапала волку морду и прошлась по крепкой холке, что несколько не убавило ему сил. Только разожгло аппетит и волчью ярость. Трое ведомых волков вцепились в заднюю ногу Черныша мертвыми хватками, потрясая ушами в разные стороны, пытаюсь оторвать себе хоть малый кусок плоти. Мой черный сильнейший конь, мой Оберегающий Щит слабел на глазах, переходя от злобного ржания на жалобный и пронзительный визг умирающего животного, разбрызгивая капли крови на морды врагов и мое лицо, подернутое судорогой.

«Это конец...» – пальцы моих рук с вздувшимися синими венами начинали скользить по рукояти вниз. С лезвия сабли стекала волчья кровь, вперемешку с дождем, но ее было недостаточно, чтобы выиграть схватку. Я продолжала неистовую пляску, спотыкаясь и поскользываясь в луже гря-

зи, крови и воды; в ушах у меня гудел плач коня, барахтающегося в выворачивающей нутро, агонии. «Конец... Я отправлюсь вслед за Чернышом... мой щит... мой спаситель... единственная душа, знающая, куда мне идти... Больше нет сил, нет сил, о боже!»

Неистовые волки, очумевшие от свалившейся удачи и наших ослабленных фигур, кинулись на упавшего на колени коня, и ужас, непередаваемый ужас застыл в его умных глазах, подернутых тенью смирения с судьбой.

– Черныш! – вырвалось у меня, но тут же, в эту секунду, вожак рассчитал момент и мощным ударом своей грудной клетки, свалил меня на землю, обагрив все вокруг теплой кровью, то ли моей, то ли Черныша.

«Это конец...»

Кто имеет право утверждать, что мир, в котором мы живем – реален?

Может, все мы лишь мысли одного человека, атомы, свободно перемещающиеся в пространстве; чьи-то марионетки, в конце концов?

Мы находимся в некоей матрице, компьютерной игре, где можно сохраниться, начать все заново, или же ежедневно подвергаемся некоему року, судьбе, ведущей нас серебряной

нитью через всю жизнь? А как же сны? Представьте себе, что сны – это действительная и неоспоримая реальность, в которой мы обладаем всеми возможными талантами, умениями, способностями и готовы переместиться в любой уголок вселенной? А пробуждение – это так... место, пребывая в котором, ты начинаешь ценить ночное время суток, их волшебную магию и таинственное очарование...

И самое интересное, что сколько бы ни существовало теорий, догадок, слухов и даже религиозных догм – никто и никогда не доберется до правды при жизни... Что будет после смерти? Никто не знает! Есть ли жизнь за черной завесой? А вот фиг его знает! Мудрые и начитанные мужи могут сколько угодно спорить и доказывать свою правоту, но все равно... доказательств нет. По крайней мере, я их не вижу.

От этого жить становится еще интереснее и даже страшнее. Ну кому как, конечно.

Ты встаешь с кровати, нашариваешь впотьмах тапки, пьешь свой традиционный черный кофе и думаешь, что это твой выбор. А вдруг невидимая рука задала тебе эти движения? И этой неосязаемой руки тоже, возможно нет. Она живет в чем-то воображении и подчиняется сиюминутным порывам. Мне не дано узнать всей правды. Кто же создал наш мир? Бог? Но почему тогда находят археологические свидетельства происхождения человека от обезьян? И гиганты – динозавры бродили по нашей зеленой планете. Бог тоже создал их? Если да, то какой смысл он вкладывает в существо-

вание на земле людей? Извечный вопрос любого, интересующегося философией человека. Вселенная бесконечна, и мы не можем доказать, что нет еще такой же планеты с морями и жизнью. Может Создатель сравнивает две планеты, решая для себя, какую он оставит в живых, а на какую уронит астероид? Смешно... А главное, совершенно бессмысленно тратить столь драгоценное время на рассуждения о такой ерунде.

Ведь никто не знает правды. А если и знает – вряд ли расскажет всему миру, дабы избежать паники и излишнего внимания к своей персоне.

Размышления мои могут затянуться, так уж хорошо я себя знаю. Я вообще просто обожаю думать разные думы и слишком сильно углубляться в себя. Иногда это может даже окончиться темной меланхолией или легкой депрессией, но кто в моем юном возрасте не страдал ей? Наверное, в нашем поколении это норма постоянно быть грустным, одиноким, непонятым и философствовать ночи напролет, чем работать, приносить пользу и жить полной грудью. Такие дела.

Меня конечно очень волнуют вопросы жизни и смерти, потому что я, как и все – боюсь умирать, боюсь неизвестности, но также, есть вопросы, на которые я даже не могу предположить ни единого разумного ответа.

Все сильно изменилось в последнее время. Знаете, когда в жизни идет сплошная черная полоса неудач, ты частень-

ко задумываешься о вещах с реальностью несвязанных, чтобы... ну не знаю... отключиться? Расслабиться? Вогнать себя в еще большую тоску? Если при этом включить мрачную музыку и одеться в черное... Боже, какие мы глупые...! Но что есть, то есть.

Эти вопросы не дают мне покоя ночами; я больше не могу засыпать без снотворного, или хотя бы теплого молока.

Каждый день я иду по привычному маршруту на работу и боюсь смотреть в глаза людям. Не от стыда, разумеется. Порой осознание правды пугает больше, чем смерть, болезни, потери близких. Ты начинаешь ощущать, что приблизился к чему-то очень глобальному, истинному, но очень пугающему... Такое редко бывает.

И нет никакой интриги. Просто ко мне внезапно пришло невесомое осознание того, что мир наш не подчиняется всемогущему человеку уже очень давно.

Можно не верить в Бога, в судьбу, в тысячу богов и их обличий, но это не помешает чему-то более сильному и могучему одержать верх над твоей жалкой душонкой. А у большинства из нас – жалкие души. Такие и потерять не грех...

Я нахожусь в здравом уме, у меня нет родственников, которые болели расстройствами и помутнением рассудка. Да и учебой я сильно не напрягаюсь, учу только то, что считаю для себя интересным. Я не гот, не мизантроп, у меня нормальные человеческие ценности, несмотря на двадцатилет-

ний возраст. Отсутствие друзей еще не говорит о нелюдимости и угрюмости.

Я могу есть все подряд, но в выборе друзей я разборчива.

Настолько, что у меня их нет...

Я – не идеал хорошего и добродушного человека, и как мне бы больно ни было это говорить – я ходячий пример героя нашего времени. Подростка, молодого человека из 21 века. Обидно, что это так, но, может быть, все еще измениться, и каждый из нас должен пройти через это? Мне правда стыдно, за свое поколение и еще более стыдно, что я принадлежу ему.

А давайте, немного приоткроем завесу прошлого...

Знаете, я не открою тайны, если предположу, что детство ставит характер человека и его восприятие мира.

Мое было чудесным. Оно было наполнено сказками, фантазиями, говорящими животными, смелыми людьми и ароматом пирогов. Не нужны были игрушки. Любая изогнутая ветка превращалась в злобную змею, санки делали меня крылатым пегасом, когда я съезжала с горы.

Этот чудный мир детства, он прекрасен и нет ничего прекраснее, когда твоя мама лепит снеговика и читает сказки о невиданных путешествиях. Окружающие мигом становятся добрыми и понимающими; злодеи выглядят уродливо – по бородавке на носу уже можно определить коварную ста-

руху колдунью; о боже как я упиваюсь этими воспоминаниями! Хочется закупорить их в бутылку вина, как у Рэя Бредбери и в минуты горестей и печалей отпивать по глоточку, растворяясь в блаженстве... Счастье... Вот, чем было мое ослепительное, солнечное и ласковое детство. И оно закончилось, открывая перед нами врата в новый, неизведанный и опасный мир. Он и взаправду опасен, если не отрастить крылья и шипы на собственной шкуре. Сказочное детство не имеет ничего общего со взрослой реальностью, и это бьет меня в самое сердце... Поэтому мы становимся угрюмыми и закрываемся? Или же это только в России? В нашей стране?

Глядя на современных детей, не читающих книг, не уважающих родителей, мне страшно! То, что было для меня главным – исчезло. Дети перечат родителям, затыкают им рты, уходят к друзьям. Жалобы на «предков», сидя на лавочке в новых кроссовках и с айфонами в руках, вызывают во мне неудержимую ярость. Нашлась тут, защитница идеалов и слабых! Сама ведь я далеко не лучше, я не сахар и не подарок, чтобы всем нравится. И жизнь складывается так, что большинству людей, что я попадаюсь на жизненном пути – я не нравлюсь с первого взгляда. Потом их мнение может измениться, но авторитет мне всегда приходилось зарабатывать потом, кровью и упорным трудом.

Вспыльчивость и необъяснимая тяга к чему-то ужасному всегда сопровождала мои будни, порой рисуя поистине кро-

вавые картины.

Быть может, в том виноваты бесконечные просмотры фильмов ужасов в детстве. Но не вспыльчивость руководит мной. Я родилась с другим чувством, оно было во мне еще до рождения; с каждым годом оно росло и возвышалось. Спасибо за это моим родителям и сказкам, что они мне читали. Иначе я бы точно выросла какой-то маньячкой, ха-ха... Это я так пытаюсь шутить... У меня не очень с юмором, я согласна. Поэтому поехали дальше.

Это чувство справедливости. Здравый смысл останавливает меня унижить богачей и раздать все нуждающимся, но если бы вы могли себе представить! – нет, вы не можете, ведь я стораю в пепел каждое утро, проходя мимо голодных собак и тощих попрошайек у метро. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять внутреннюю дрожь и на ватных ногах ухожу дальше.

Обострение справедливости усиливается с каждым днем. И пусть меня называют лживой, лицемерной, я не хочу отказываться от этого качества в себе! Оно есть, и я даже немножко горжусь им. Есть же во мне что-то хорошее и светлое, не все еще потеряно, не все еще во мне угасло...

Но это мое проклятие, и моя болезнь! Хотя я не желаю от нее избавления. Отчасти это и наслаждение. Какую радость и ликование испытывает мое сердце, наблюдая за честными, справедливыми исходами конфликтов, за победами добра, за возвышением чести и долга! Такие дни для меня,

как доза для наркомана, сладостный передоз.....

Да простят читатели мой напыщенный пафос; в том вина лишь молодости и огня в груди. Наверное, многие писатели говорили об этом в своих произведениях...

Пока огонь пылает ярко – я накормлю бездомного щенка и переведу старушку через дорогу.

Как я мечтаю, чтобы мое пламя горело вечно!

Большинство книг пишется на основе жизни.

Почему же наша жизнь так не похожа на книжную? Какой-то замкнутый круг. Я всегда много читала и думала, что вот он, весь мир, у меня на ладони; я читаю его, чувствую, и он не может быть обманчив. Но я выглядываю в окно, а с дерева на меня умоляюще смотрит кошка, жалобно мяукая, оглядывая прохожих, в надежде на помощь. И где же тот самый странный неудачник, бросающий сумки из магазина, проникнувшийся горем несчастного животного, который мигом взлетает на дерево, а спускается на землю при помощи зонтика, держа напуганную кису в руках?

Как и всем детям моего поколения, мне не пришло письмо из волшебной школы; я не умею стрелять из лука и носить зеленое трико. Да что там. Я даже не видела живых драконов и не знаю, под каким деревом зарыты сокровища. Пройти весь мир, чтобы вернуться домой и обнаружить клад под бе-

резой! В детстве это кажется обыденностью! Ты не сомневайся в своих силах. Да что уж там. Свистни мне и сейчас; я моментально соберу рюкзак и побегу, куда мне скажет седобородый старец с посохом. Но старец не приходит. Школу магии я уже не закончу. Драконы улетели из моей страны в более теплую, а мой клад, вероятно, в руках у проходимцев и мошенников.

У соседей, например.

Однако, мои жалобы, конечно, напыщенны и преувеличены. Кому-то в этом мире в разы хуже, чем мне. Кто-то недоедает, у кого-то нет теплой одежды и крыши над головой, а я тут жалуясь на то, что сказки не могут воплотиться в реальность! Тьфу, какая я дурка!

Но все хорошо. Все ведь хорошо?

Я счастливый человек. Я не видела войн и катастроф, моя страна пережила все самое страшное, и вряд ли когда-нибудь увидит что-то более ужасное.

Кроме морального падения человека, разумеется.

Но здесь страна уже не имеет значения. Все мое поколение «хипстеров» и нытиков по жизни недовольно текущей действительностью и в первую очередь собой.

«Мне 14 лет, и мой парень меня бросил. Как мне жить дальше? А я среднестатистический школьник, и мои родители не дают мне денег на карманные расходы, а так мечтаю

об айфоне. Скоро выпускной, а я все еще девственница. Надо мной смеются одноклассники».

Сколько еще ничтожных и пустых проблем навязывают нам СМИ и мы сами? Куда-то пропадают истинные нематериальные ценности без которых невозможно стать счастливым.

Любовь неизменно связана с внешним видом объекта; а как нас воспримут окружающие, что обо мне подумают люди; выйти на улицу без макияжа – о боже, я могу встретить всех знакомых!

Обидно, что я тоже, тоже такая... Я не мессия, не девушка с обложки, у меня есть прыщи и секущиеся кончики, и я правда, переживаю об этом. Комплекую даже. Но... но... но...

Хоть убейте меня, я не понимаю, к чему мы идем.

Размышления мои типичны для подростка, ищущего истину и смысл жизни; они не взрослые и не зрелые. Итог будет однозначно печальным. Нас ждет либо Содом и Гоморра, либо ядерная война, либо вымирание человека. Вымирание в смысле духовного разложения, растления, гниения.

Все превратится в один большой грязный бордель, где будут расхаживать красивые, ухоженные шлюхи, говорящие умными цитатами, размышляющие о добре и мире. Просто так, для симпатичного образа, дабы не прослыть совсем уж дурами. А посетители – накаченные, успешные мужчины,

глухие к чувствам, холодные до гуманности и состраданию. Только зеркальце в кармане, только самолюбование и бальзам для губ. Только стремление к успеху, саморазвитию, финансовым богатствам и красивому бронзовому загару.

С каких пор красота мужчин – это синоним мужественности? Женщины живут мечтами и возвышенными фразами, но отдадутся любому более менее успешному обеспеченному самцу, ведь доступность – это показатель ее востребованности, красоты, успеха в обществе. Посмотрите, меня желают лучшие, а это значит, что я чего-то достигла в этой жизни!

А чего достигла я? Меня желает максимум моя рыжая кошка. Потому что хочет есть. И этот факт радует меня. Я кому-то нужна, кто-то хочет меня видеть. Иначе я не задержалась бы на этой планете, ибо общество с самим собой регулярно ввергает меня в хаос и уныние.

Чтобы я делала со свалившимся на голову пидорком в узких джинсах и парфюмированными волосами?

Наверное, заплакала...

Я пишу эти строки, сидя в книжном магазине. Уже вечерет, но я не спешу уходить. Покупатели тихо исчезают, так ничего и не купив. Небольшая толкучка роилась у стенда

с бестселлерами Кинга и Глуховского, но и та уже рассосалась. Надо закрывать магазин, но я все еще сижу и думаю. Книжный магазин, как нельзя идеально подходит для всяких дум, и это мне нравится в моей работе.

За окном припорошила метель, и это странно. Уже середина весны, а зима никак не уходит. Словно говорит, что холод никогда не покинет нас. Но все это уже мои фантазийные догадки.

Закрыв магазинчик на ключ, я укуталась в хлипкий полупрозрачный шарф и взглянула на пустующий запорошенный снегом тротуар.

Сейчас читатель подумает, что это мой магазин, а я его владелец. Какая она крутая, вероятно, многого добилась за свои жалкие двадцать лет!

Разумеется, нет. Кроме как продавцом-консультантом меня никуда не взяли. Но работать с книгами интересно. Не с людьми, нет, не с читателями, как бы цинично это не прозвучало. Не потому, что я люблю читать, отнюдь. Интересно смотреть, что читают люди, зачем они платят деньги за то, что горой валяется в интернете?

Конечно, я саркастирую.

Окинув небрежным взглядом свое отражения в витрине, я не спеша зашагала по заметенной улице. Моя мама всегда говорила, что я не очень аккуратная и не слежу за сво-

им внешним видом. Так и есть. Давно пора состричь мешающие, спутанные лохмы моих темно-русых волос. Это можно посчитать неуважением к остальным людям, но я не преследую такой цели. Я совершенно спокойна внутри. Это чувство полной гармонии. Несмотря на мои прыщи и сухие концы волос – мне плевать, что обо мне думают. Если бы я еще пеклась о внешности, как звезды кино, то точно бы свихнулась еще лет в шестнадцать.

Снег забивается мне в нос и уши, я смешно отфыркиваюсь, чем привлекаю внимание прохожих. Проходящий мимо старшеклассник хихикнул, явно намекая на мою мешковатую коричневую шапку, похожую на куль теста. А когда-то она казалась мне очень модной. Тоже мне, петух нашелся. Зато она теплая, как оленья шкура, не то, что твоя рэперская кепка, из-под которой виднеются красные отмороженные уши.

Спускаюсь в метро, сажусь в вагон и открываю глуповатую фэнтези книжку неизвестного писателя. Не то чтобы я не люблю такое....Но читая такое, я почему то вспоминаю, что где —то такое уже видела. Это и неплохо вроде бы, но лично мне изрядно поднадоело. Но чтобы расслабиться после рабочего дня – почему нет? Вероятно, все такие писатели оканчивали факультет пиара или журналистики, раз так прекрасно знакомы с этими понятиями. Им не добить-

ся того возвышенного, но естественного пафоса профессора Толкина, например. Если и вообще бывает естественный пафос. Когда семилетняя девчушка уходит к гномам, чтобы научиться испаривать кишки смертным и бессмертным, это вряд ли нормально. Это даже не пафос.

Скорее, кто кого переплюнет в искусстве создания более сумасшедшего, безумного героя, за которого все будут искренне переживать.

Вздыхаю.

Почему я все критикую? Как старая бабуся!

Так не хочется оказаться в числе молодых людей, «вечно недовольных» жизнью. Мода сейчас такая пошла на томные депрессии, сочетающиеся с кофе и сигаретой. Люди спят, шарят в телефонах, смотрят в планшетах фильмы. Все как обычно. Я читаю книгу и тоже вроде бы отсутствую

В метро особенный приятный запах. Интересно, кто-нибудь из нас помнит об этом? Тут меня осенило. Колеса застучали громче, и у меня чуть заложило уши. Случись сейчас что-то: ну там, поезд с рельс сойдет, электричество отключится, или поверхность поразит атомная бомба, все они ничего не заметят, и будут продолжать глядеть в свои «игрушки». Рядом будет валяться искалеченный человек, корчась в муках, но ему никто не поможет. Просто не услышит, ведь все мы сидим в наушниках с громкостью девяносто плюс. Где же знаменитые, воспетые братства и союзы? Скажи под-

ростку: «А ну ты, дрищ, готов ли ты отдать жизнь за своего лучшего друга?» Сомневаюсь, что он побежит за кодексом самураев, изучать правила проведения сеппуку. Нелогично это как-то. Рисковать жизнью.

Но вот моя остановка, и я постепенно возвращаюсь из нудной книги в мир подобных себе – людей.

Глава 2. Почему я стала курить?

Есть люди, которые прекрасно чувствуют себя в одиночестве длительное время. Такие, как я. Они упиваются одиночеством, хотя часто впадают в необъяснимую апатию и тоску.

Есть люди еще более странные.

Они могут долго жить с человеком, который их не любит. Не ценит, не уважает и прочее, прочее, допишите сами. А они продолжают верить в некую призрачную любовь. Перед глазами пелена, а между душами стена. Игра в одни ворота, театр одного актера – все это о моем старшем брате. Он не приемлет одиночества никогда, даже в периоды грусти или апатии. Я не сказала бы, что он компанейский и любит внимание. Скорее, правда в том, что он не любит оставаться наедине с собой, один на один. Это его убивает.

Жаль, что его «половинка» не замечает этого. Мама и я отлично все понимаем, но давить на него не можем. Необычность брата мучает его самого, ведь в одиночестве он сходит с ума. Пусть лучше кормится ложными надеждами, чем неделями сидит в пустой комнате, обдумывая пути возвращения к своему «тирану». Если мое детство прошло под девизом «Да оставьте вы все меня в покое, наконец!», то мой брат не мог играть в одиночестве и пяти минут, чем ужасно злил меня!

И нет, все мы не сбежали из психушки. Такими нас слепило общество. Оно и медленно уничтожает, разъедает наши тела и портит мысли. Пока мы поддаемся этому влиянию – а мы, черт возьми, поддаемся!

У каждой семьи есть свои скелеты и тайны. Мамы, папы, сыновья и дочери – вроде бы вместе, но у каждого из них есть своя жизнь, свой маленький мирок, доступ в который закрыт для остальных, даже самых близких. И это не мешает нам любить друг друга. Порой, я думаю, что единственный выход из этого замкнутого ада – это уйти в мир фантазий, книг и фильмов, туда, где добро все же победит зло, а бездомные собаки обретут любящих хозяев.

Бессмысленно мечтать о любви, мир ищет только выгоду и удобство.

Мой брат такая же бездомная собака.

Я вошла в нашу обтрепанную пыльную кухню и поставила тяжелый чугунный чайничек на плиту. Слегка пахло сигаретным дымом из форточки. Странно... Может быть соседи курят?

Брат дома. На запыленном столе стояла миска с остывшим супом и кусок хлеба. Мама позаботилась обо мне, прежде, чем уходить на ночную смену. Рядом лежала записка и блюдце, прикрытое крышкой, по которому полз таракан. «По-

следнее пирожное с кремом. Ешь сразу, иначе трагедия его обнаружит первым. Целую». Долго думать мне не пришлось, и я мигом принялась работать челюстями. Андрей всегда был сладкоежкой; бабушке, помню, приходилось прятать конфеты в видеомаягнитофоне, так как, его острый нюх мог найти сладкое даже на самых верхних полках буфета. Блаженно развалившись на хлипкой табуретке, я потягивала поспевающий чай... После чая любые проблемы кажутся выдуманным сном...

– Как работа? – в проеме нарисовалась тощая фигура брата в растянутой футболке с пивом в руке. – Налей мне тоже чаю. У меня день не задался с утра. Все так чертовски бесит! Пирожных поел – вроде легче стало, – я улыбнулась, но внутри была немного напряжена. Пиво – редкий гость в нашей семье. А уж запах сигарет меня особенно смутил.

Обжигающий черный «Липтон» был разлит в чашки, но пить его мы не торопились.

– Чем хуже погода, тем больше выручка в книжном магазине. Я уже спокойно делаю прогнозы на спрос книг.

– В плохую погоду я бы тоже заскочил в магазин...

– Вот видишь – довольно заметила я.

– ...чтобы спрятаться от дождя. – ухмыльнулся брат.

Я вздохнула.

Что-то явно случилось. Непривычно видеть его в таком гнетущем настроении. Наша семья могла бы считаться дружной, если бы не постоянная, вездесущая печаль, которая пронизывает каждый уголок нашего дома и каждого члена семьи. Не сразу ко мне пришло это понимание. Быть может после ухода отца... Или смерти бабушки... Все хорошо на первый взгляд. Мы здоровы и дружны между собой. Не хочу глубоко вникать в причины оледенения этого дома. Легче закрыть на это глаза и продолжать жить дальше.

– Ты всегда был вредной задницей. Рассказывай, что стряслось. Если это опять из-за нее, то я и слушать не хочу... Давно бы вправила ей мозг! И врезала бы по щам! Не хватало нам еще твоего алкоголизма. Скажи только одно: она ушла? Ты свободен? Или меня сейчас точно понесет! – я и правда немного взбудоражилась, вспоминая лицо его пассии.

Но Андрей только отмахнулся и поставил пустую бутылку на пол. Тут же прибежал наш рыжий кот и с любопытством стал обнюхивать горлышко бутылки. Кстати коту уже больше пятнадцати лет, а он до сих пор интересуется выпивкой.

Воспаленные глаза брата говорили, что он явно переживает. Он старше меня на пару лет всего-то. Но уже выглядит

как уставший тридцатилетний трудоголик, у которого нет семьи, и дома его ждет лишь голодный пес и пара тараканов. И то... в голове. Будучи когда-то ярко-синими, глаза его померкли, а выражение лица приняло вечную презрительную ухмылку, что производило впечатление начинающего наркомана. Боже, что я несу...! Он же мой брат, в конце концов. А я слишком много думаю, слишком много фантазирую. Это все книги и фильмы виноваты...

– А чего ты взвелась-то? Не парься. Я взрослый, и я со всем справлюсь. – он сделал глоток горячего чая, поморщился, и отведя взгляд, продолжил. – Да хреново все, Лен. Че мне тебя обманывать? Она села в машину к другому. Ты прикинь? К другому мужику? И вроде она хорошо его знает, так приветливо обнималась с ним... А у меня как-то ничего даже не екнуло. Надо было кричать, разбить машину, избить этого толстяка... Но ничего этого я не сделал. И не хотел. Пять лет издевательств, обманов и измен. Знаю, вы с мамой меня не уважаете... Не по-мужски терпеть такое отношение, тебя используют и бла-бла-бла. Спасибо. Вы мне помогли. Нельзя терпеть такое отношение, нельзя быть комнатной собачкой, нельзя быть подкаблучником, надо иметь собственное достоинство и гордость. Вы все это твердили мне много лет, хоть и после спустили рукава. Я благодарен вам за это снисхождение.

Не скрою, отчасти такие отношения были приятны мне.

Казалось, что я герой, а мой любовь – беззаветна. Как в твоих книгах, понимаешь? Во всем виноваты твои дурацкие книги.

Если любить просто так, полностью доверяясь чувствам, забывая обо всем, то обретишь истинную любовь. Как красиво, чуешь? Да, не смотри так исподлобья, твои книжки в один голос твердят о чудесных и добродетельных людях, которые любили долгие годы, доказывали свою преданность и в один прекрасный момент им оказывали благосклонность. Мне же, как видишь, оказали очередное предательство. Сколько их было? Я не помню. Десятки? Я тоже, как и вы, спустил рукава. Так проще жить. Тупицам проще, дебилам проще, пофигистам проще! Если бы я меньше знал, или еще лучше, был психом, дауном – я не страдал бы и вовсе. Жалею, что имею разум и чувства, – он на некоторое время умолк, пристально глядя на меня, словно ожидая осуждения или критики, как провинившийся пес. Я попыталась взять его руку, но он отдернул ее. – Не надо меня жалеть, пожалуйста. Я знаю, о чем ты думаешь. Что бла-бла-бла, ты больше не сможешь жить один, ты умрешь в одиночестве, тебе нужна компания, неважно с кем и как. Я справлюсь. Пора бы взрослеть и начать жить своей жизнью, не зависящей от кого-то... Ничего не говори, Лен, просто молчи, иначе я, честно, что-нибудь разобью...

Глядя в его изможденное лицо с россыпью мелких морщинок, синяками под глазами, я знала, что он не справится

Один.

Из цветущего молодостью, красивого парня, он превратился в подобие маргинала, балансирующего на краю нищеты. Мы не люмпены, вполне неплохо живем, но что эта женщина сделала с ним? Неужели была на то причина? Столько лет измываться над ним, испытывать его терпение и любовь, чтобы в один день уйти к другому? Высосать все соки, энергию, любовь, деньги и что дальше? Черт, а? Кажется, мне тоже нужно пиво... А вдруг... А вдруг она такая же как мой брат?! Вдруг она тоже не может выносить одиночества? Ну... так вот, по своему... Одинаковая полярность сочетаться не может, как ни крути.

Я вновь с сожалением обратила внимание на бледное лицо Андрея. Он понурил лохматую голову, как побитый щенок, ковыряя ногтем трещину в столе.

– Быть может книги и врут... было бы ошибкой доверять каждому слову, что там пишут, – медленно начала я, старательно подбирая слова. Сейчас мои вспыльчивые замечания и придирки уж точно не принесли бы ничего хорошего. – Но они помогают нам забыться на время от трудностей жизни. Это звучит по-детски, знаю. Интересная книжка поможет тебе намного больше, чем эта бутылка. Или хотя пересмотри любимый сериал. Забудь о ней хоть на мгновение! Прости, что я так неловко говорю и вообще не умею поддерживать и находить правильные слова... Это трудно мне дает-

ся. Я хотела бы обнять тебя, сказать ласковые слова и всячески выразить свою поддержку. Ты лучше меня понимаешь, что это сейчас не поможет. Да и не люблю я эти нежности. Ты должен сам разобраться в себе. У тебя получиться, потому что ты сильный. Ты и всегда был сильным, просто забыл об этом... Может стоит вспомнить об этом?

Внутри меня кипели совсем противоположные эмоции.

Мне так сложно выразить то, что я действительно чувствую, словами. Я остро чую любую несправедливость, как я уже сказала. Кажется, сейчас во мне проснулось желание убивать, несмотря на краткость.

Мы с братом были дружны с самого детства, как близнецы, хотя внешне мы разные. Он блондин, я шатенка; он общительный и веселый ребенок; я – закрытая и нелюдимая. Дружба не покидала нас в самые трудные моменты, вплоть до подросткового возраста и юности.

Все изменилось, когда появилась она. Эта женщина точно была ведьмой, хотя я и не верила никогда в таковых. Из души компании и общительного парня, мой брат превратился в покорного слугу, мальчика на побегушках, настоящего раба на поводке.

Никогда, слышите, никогда он не был таким! Моя мать никогда не думала, что такая скромная тихая девочка, вечно витающая в фантазиях и раздумьях, как я, станет куда здоровомыслящее и приземленное, моего брата. Любимец де-

вушек, лучший в классе по успеваемости и сильный спортсмен-каратист, во что он превратился за эти годы?

В лучшем случае он походил на торговца марихуаной.

В худшем – на ее потребителя.

Он помолчал немного, задумчиво глядя в пол, поднялся и ободряюще похлопал меня по плечу и ушел в комнату. Справится ли он? А справлюсь ли я?

На подоконнике я обнаружила начатую братом пачку крепких сигарет.

Просидев на кухне до самой полуночи, я все же заставила себя отправиться спать, оставив ночник догорать, а блюдец— наполненным окурками.

В нашей семье никогда не курили.

Глава 3. Смерть

Черный-черный, крепкий, горячий, без сахара и сливок. Две ложки желательно. Конечно же, с горькой. Вдобавок пару кексиковс изюмом и шоколадной обсыпкой, и рабочий день снова в разгаре!

Очередь в кафе заставила меня беспокойно поглядывать на часы. Хотя я и так прихожу в магазин на полчаса раньше, ибо посетителей в восемь утра как-то не дождешься.

Я опоздала ненамного, и впопыхах, минуя охрану, и, путаясь в своем длинном суконном плаще, достигла рабочей стойки. Мимо пропорхнула моя начальница в мышинных очках и с прогрессирующей анорексией. Она недовольно погрозила мне пальцем с золотой печаткой в виде когтя ворона, и полетела дальше по своим птичьим делам.

Старая карга. Она никогда мне не нравилась, и это было взаимно.

Пригладив длинную непослушную челку, я отпила кофе и принялась пробивать книги посетителей. Ага, в восемь утра...

Сегодня на удивление их было много, все больше школьники или студенты с учебными пособиями или решебниками.

Наш магазинчик был совсем маленький, весьма уютный,

под старину. Где-то на полках ютились декоративные свечки, сувениры в виде замысловатых розочек (моя начальница обожала такие), некий полумрак; все это мне нравилось. Никакой суеты, толкотни. Даже самые озабоченные студенты, во время сессии, зайдя в нашу лавку, как-то успокаивались и принимались разглядывать полки с действительно интересными изданиями.

Обслужив последнего посетителя, я довольно уселась в кресло и заметила, что у меня на телефоне два пропущенных от Андрея.

Наверное, переживает. Надо бы перезвонить... Лучше сейчас... да... Но стоит ли? Или дать ему все-таки время поразмышлять самому?

Я как-то рассеяно оглядела зал. Никого не было, кроме молодой Алины, мерчендайзера, которая неторопливо раскладывала книги, попеременно пролистывая их содержание с большим любопытством. Я улыбнулась, вспоминая свой первый день на работе: невозможно работать, когда столько интересного и неизведанного тебя окружает!

День постепенно входил в свои права, нагоняя на меня сладкую дремотную негу. Отгонять сон я предпочитала посредством чтения заголовков новых книг, что поступали на продажу. Старая карга-начальница только и шикала на меня, когда моя рука тянулась к очередному роману японских депрессивных философов, тогда еще очень мод-

ных. Читать на рабочем месте мне было запрещено, но ведь и карга – не вездесущая!

Откуда-то пахнуло свежим ветром зимы, хотя окна были закрыты; на улице снова бушевала метель. Весна...

Хлопнула дверь и через пару секунд в агазине очутился новый посетитель. Я облегченно вздохнула – значит, не сошла с ума окончательно.

Стоит открыть форточки, иначе я скоро задохнусь без должного количества кислорода. Мельком оглядев прилично одетого вошедшего мужчину, я снова плюхнулась в кресло и принялась за шоколадный кекс. Начальница жутко ругает меня за трапезы на работе, но я прячусь за стойкой и вроде меня не видно. Вроде бы... И почему они добавляют туда так мало шоколада? Это же десерт, это кекс и это должно сладко и вкусно! Кекс должен быть окутан шоколадным пледом, шоколадной крошкой и еще карамельным сиропом, никак не меньше!

Дурацкие кексы. Моя мама печет куда вкуснее... Когда она вообще в последний раз пекла кексы или пирожки? В далеком детстве? Надо бы ей напомнить о ее кулинарных талантах в выходные...

Так прошло где-то полминуты моего увлеченного поглощения мучного изделия, но робкий кашель заставил меня подскочить на ноги и утереть крошки с губ. Честно говоря, я

даже немного испугалась, будучи настолько увлеченной едой и своими мыслями.

На меня насмешливо, но с интересом глядел тот прилично одетый мужчина, сжимая в руке какую-то пухлую книгу. Я поспешно проглотила гигантский кусок кекса, находившийся у меня в тот момент во рту и поморщилась.

– О. Вы уже выбрали, – как можно непринужденнее начала я, хотя посетитель наверняка почувствовал мой конфуз. Человек щелкнул языком. – Я совсем вас не заметила, извините. Такая пурга за окном, будто зима решила навеки остаться с нами... – я снова мельком посмотрела в окно, но там было ясно и солнечно, будто всегда и было. Тихое морозное утро, как с цветных новогодних открыток. Желтопузые синички деловито пролетают по своим делам, сухие ветви деревьев не шелохнутся под дуновением ветерка. – Ох... извините меня. Там... солнечно... Ну конечно же... ахах-ха! Я просто еще не допила свой утренний кофе!

Вот я дура. Или правда крыша постепенно съезжает. Надо бы попить витамины или включить в свою жизнь ежедневные пробежки. Готова поклясться своей головой, что там был снег, заметающий все на свете до самого неба! Замирая от изумления, я продолжала наблюдать за пейзажем за окном, приоткрыв рот. Холод начинал пробираться мои внутренности, хотя все форточки были плотно закрыты; он шел отку-

да-то изнутри меня, будто я сама производила его... Жесть!

Там солнечно... солнечно... Никакой метели...

– Барышня, – хриплый оклик посетителя вернул меня к реальной жизни.

Я моментально отличила едва заметный европейский акцент. То ли немецкий, то ли румынский, такой жесткий, но в то же время, округляющий гласные. Наконец-то я подняла глаза на него.

В своих узловатых мускулистых пальцах он сжимал Сапковского «Ведьмака». Синие-синие, как глубокий бушующий океан (да, это все виноваты японские классики!), серьезные глаза внимательно следили за каждым моим движением сквозь полудлинные, соломенного цвета, волосы. Его лицо было нетипично для России, или я просто отвыкла видеть бронзово-загорелых людей. Его сухая обветренная кожа была испещрена морщинками и бороздками на лбу. Он походил на заядлого альпиниста или путешественника, который слишком долго находится на солнце. Однако ухоженности ему не занимать. Видно, что он не пренебрегает краской для волос и бальзамом для губ. Точно не местный. Да и не молод. И не в моем вкусе. Хотя, о чем это я?

– Барышня, пробейте книгу, или мне придется пожаловаться администратору на заторможенного кассира. Я опаздываю, – он нетерпеливо повертел в руке книгу, недовольно

сжимая челюсти.

– Извините, – послушно опустив голову, пролепетала я в ответ и схватила книгу. Это было красиво оформленное издание, подарочное, совсем недешевое и пухлое. В душе я всегда улыбалась, если выбор покупателя соответствовал моим вкусам. А такое случалось не часто. – Современная модная литература правит балом по сей день. – Хороший выбор. Вы не пожалеете, что взяли ее.

Мужчина все же снисходительно улыбнулся, и суровый взгляд его смягчился. Флирт на работе я не приемлю, но мне было бы интересно узнать, где он получил такой ровный загар. Может, катается на лыжах в Альпах? Он оперся локтями на стойку и приблизился ко мне уж слишком близко. Я не обращала внимания на его пристальный взгляд. Вернее, старалась.

– А знаешь, о чем можешь пожалеть ты...? Как твое имя?

По моей спине пробежал легкий холодок. Я одним глазом заметила охранника, прохаживающегося между полок, и это меня успокоило.

– Меня зовут Елена. А жалею я о многом. Думаю не вам мне на это указывать. Берите свою книгу и сдачу и уходите.

Но странный гость не пошевелился, а лишь как-то про себя кивнул, будто понял что-то.

– Глупая, ты такая же глупая, как и все, девочка. Скажи свое настоящее имя. То, о котором знаешь только ты, и лишь оно одно является верным, соответствующим тебе.

Я подозрительно глянула на мужчину исподлобья, пытаюсь угадать, чего мне от него ждать? Он так клеится? Или правда болен? Больные люди не страдают таким загаром и ровным цветом лица...

Я злобно поджала губы, стараясь не нагрубить. Спокойно. Таких дураков ты повидала немало. Многим людям в жизни была интересна моя подноготная, ведь на работе я не связываю себя дружескими отношениями ни с одним человеком.

Лед на работе – огонь за ее пределами. Огонь, который давно еле горит. Никому необязательно знать. Пошли его куда подальше, в свои горы и все. Ты в детстве писала маленькие книжки и рассказы, называя себя Андрэйст, в честь некой героини кельтского эпоса – образец храбрости и мужества для тебя. Андрэйст – означало – неукротимая, непобедимая. Куча людей придумывают себе вторые имена, в которых они «супермены». Ведь все мы втайне мечтаем попасть в мир фантазий. Но что себе позволяет этот наглый прохо-

димец? Лезть в скелетный шкаф – дело опасное.

– Ты пожалеешь, что не перезвонила своему брату, хотя ничего от этого звонка не поменялось бы. И ты будешь говорить со мной, девочка, несмотря на закипающую ярость в твоей застывшей крови. Охладела твоя несчастная кровь, как она охладела! Но сейчас она наконец-то покипит, пробудит в тебе эмоции жизни. Хех... Ты сжимаешь губы, когда злишься, и у тебя пульсирует жилка на виске. Вот как сейчас, гляди!

– Прекратите, – процедила я сквозь зубы. – Прекратите немедленно или я позову охранника. Вы ведете себя неприемлемо. Я прошу вас уйти.

– Хах, – фыркнул незнакомец и вытащил сигарету. – У нас не курят, – жестко отрезала я, указав на запрещающий знак у меня над головой. В воздухе закрутились витиеватые клубы дыма. Запахло шоколадным кексом.

Вокруг будто все остановилось, замерло, часы прекратили свое победное шествие по кругу, Алина так и затихла за изучением книги, охранник задумчиво уставился в окно, украшенное морозными узорами, хотя недавно там была солнечно и ясно.

Это все кофе, только оно... слишком крепкое, слишком много кофеина и нерешаемых проблем... Рвануть бы сейчас

в зимний лес, подышать кислородом, побегать по пушистым сугробам, подальше от душных помещений и идиотов, которые меня окружают! У меня закатились глаза, и я смущенно потерла их пальцами, разгоняя внезапно нахлынувший сон. Гость должен уйти, он уйдет сейчас же, и я продолжу работу в этом месте, пока мир не рухнет. Пока мой брат не угомонится. Пока люди не перестанут обижать друг друга. Пока я наконец не обрету смысл этой жизни. Все хорошо и спокойно, я ровно дышу, гляжу прямо в глаза неведомого человека... но странный холодн продолжает подниматься по моим лодыжкам вверх, к рукам и голове.

Поверить ли в судьбу? Посмотри на него, Елена, посмотри внимательнее. Мой внутренний голос словно шептал мне это на ухо, совсем тихо, еле слышно, так как шелестят страницы древних книг от вековой пыли.

– Кто вы? – пробормотала я, чуть вздрагивая. Мужчина докурил сигарету, зевнул, и, явно довольный произведенным эффектом, ответил. – Я думал и не спросишь. Ты забитая, как жалкий мокрый воробей. Что я в тебе нашел? Уж не знаю, хоть убей, не знаю. А меня зовут Крис. Просто Крис. И да, предвосхищая твои вопросы, я не местный, не скалолаз, не пеший турист. Тебе вообще необязательно знать, кто я. Ну и я, допустим, из Швейцарии, если тебе станет легче. А то еще больше вопросов начнешь задавать. Так раздража-

ют девушки, которые тараторят быстрее, чем думают. Молодежь вроде тебя вообще любопытна до жути. Воображают себя всезнайками, премудрыми философами, знающие о жизни абсолютно все. А в этой дрянной жизни даже я разбираюсь из рук вон плохо! Ха-ха, ну ты понимаешь, о чем я?

– Ну, хорошо, – осторожно начала я. Что может опрометчивее, чем довериться незнакомцу? Только довериться психованному незнакомцу. Психи обычно не так опасны как обычные люди... Только... Мне кажется, что современное общество поражено глубокими нервными расстройствами вплоть до малого ребенка, который столкнулся с «разумным» взрослым человеком. Боже, по мне плачет стезя графомана... – И чего ты хочешь от меня, Крис?

– Правды. Просто отвечай мне правду, и ты увидишь, что я не псих. Я знаю о тебе много, но не достаточно. Я вообще часто ошибаюсь в людях, недооценивая их способности. Я не буду тебя калечить и причинять тебе боль.

Ваши люди и так искалечены, как мертвецы, погибшие под колесами поезда. Ха-ха, ох уж этот мой любимый черный юмор! Я учусь вашим выражениям, стараюсь, очень стараюсь! Крайне рад, что познал некоторые области вашей жизни! Откинь свои мысли и дурацкие догадки, дорогая Елена, хоть на минуту.

Ваша хваленая инквизици..., ой точнее, цивилизация порож-

дает тупых людей, мясо, которое забыло, а для чего оно собственно родилось? Кому верить? А кого отрицать? Ты ведь любишь читать, верно? Это совсем-совсем неплохо. Я иногда читаю женские журналы. Это правда, что все девушки зациклены на этом... аммм... как же его... на целлюлите, прыщах и лишнем весе? Эх, ваши бы проблемы, да в его бы уши... Да и черт с ними, верно? Ха-ха! Расскажи мне, какие твои любимые книги или писатели?

На помощь мне пришел кофе, и я залпом выпила обжигающий напиток. Горячее тепло разлилось по телу, и меня будто подхватил игривый летний ветерок. Все-таки, кофе – волшебная субстанция.

Возле нашего магазина случайно нет домов сумасшедших? Только я сомневаюсь, что именно ему выложена туда дорога. Я должна играть по его правилам? Чокнутый, просто чокнутый... Но мне ведь и так скучно? Почему бы не рискнуть? Неужели заговорить с незнакомым человеком стало подвигом в наше время? Неправильно, все это неправильно, нелогично. Ведь где еще расслабляться современной личинке общества...

– Фэнтези. В любых проявлениях. Лучше классику – все творчество Толкина. Можно капельку Лавкрафта или Эдгара По. – Я гордо поглядела на него. Что, съел собаку? Я не боюсь тебя. Я заговорила, я поддержала беседу... великая

победа Елены Прекрасной... об этом обязательно напишут в газетах.

– Небезнадежна... все еще небезнадежна... Крис призадумался на мгновение и произнес:

– Хм. Ты считаешь себя доброй и справедливой, я вижу. Сколько людей пострадало от твоей доброты?

– Не очень много. Я не столь добра, как вы думаете. Даже вас я уже ненавижу. Скорее я радуюсь, когда мне удастся пресечь зло на ранней стадии. Но его сложно почувствовать, спрогнозировать. Должно быть особое чутье на порок. Думаю, самый порочный человек на земле отлично справился бы с этой задачей. Кто, как не он знает, где зародится зло... Добродетельный убийца зла – все же является убийцей во всех смыслах этого слова? И я считаю вас сумасшедшим. Интересным сумасшедшим. Потому и трачу свое время на вас.

Крис засмеялся, обнажив идеальные белые зубы. Он смеялся и смеялся, как охмелевший пьяница в кабаке, невзирая на мое смущение и горящие уши. Я не стыдилась его, нет же! Как это разумно с моей стороны, раскрывать таинственные карты своей скрытой жизни, полной секретов даже от меня самой. Елена, скрытнейший человек на земле делится секретами с психом! Еще секунда, и я бы расхохоталась вместе

С НИМ.

– Ты такая наивная, как и все молодые девушки в твоём возрасте. Только ты хочешь казаться, «не как все», что-ли... Каждый думает, что «не каждый». В этом и все ваши ошибки, неопытные миледи. В тебе есть логика, есть смысл. Ты близка к правде, хотя и отрицаешь ее присутствие в тебе самой, – закончив смеяться, сказал Крис. – Но скажи, Елена, – он с интересом придвинулся ближе, сокращая расстояние уже где-то до десяти сантиметров. Глаза его полыхали холодом. —Почему Средиземье? Почему Толкин? Все это ведь сказка, выдумка, красивая и героическая история...

Я чувствовала, как у меня пуще прежнего разгораются уши. В руках я чувствовала легкую дрожь, но усилием воли уняла ее.

– Сложно объяснить... Знаете, это похоже на рай в моих представлениях, загробную жизнь – Но там же присутствуют войны, смерть и предательства? – Да, – неуверенно кивнула я. – Присутствует. Но все это проходит. Зло наказывается, и в итоге добро торжествует. Толкин дарит нам надежду. А рай для меня – это надежда на лучшее. Я не знаю, есть ли рай на самом деле... Но я хотела бы попасть именно в такой, мой личный рай... смешно, правда? Обычный меня не устраивает!

Там добро всегда побеждает зло. Мужчины сильны и дер-

жат слово, а женщины верны им до самой смерти. Войны неизменно оканчиваются поражением зла, а предатели получают по заслугам. Мне нравится то, чего нет в нашем мире. Я люблю Средиземье, я хочу в Средиземье и буду мечтать о нем всегда, пока осенний ветерок не унесет мой прах к палящим солнечным лучам. Но я никогда не реализую его здесь, в нашем жестоком мире, даже если каждый светлый день буду помогать бедным и разоблачать подлецов... Не смотрите так на меня. Я и правда так считаю. Называйте меня мечтательницей, инфантильной девчонкой, живущей в мечтах о лучшем мире, но так и есть. Надежда дает на силы жить дальше...

– Людям нужна надежда... – прошептал, будто про себя Крис. – Именно! – выпалила я ему в лицо, не дожидаясь ответа. —В обычном средневековом мире я не прожила бы и дня. Меня бы изнасиловали или убили, если бы я не умела махать мечом или рубить топором. А кто будет учить девушку убивать? Это реальный мир, только много веков назад, пусть и немного приукрашенный острым словцом писателя. Он интересен, потому что схож с нашим. Мы читаем его как летопись человеческой истории. Ничего не изменилось и по сей день. Вернуться в средневековье равнозначно возвращению в ад! – Я умолкла, занявшись прибиранием волос в хвост. Мои дрожащие руки нужно было чем-то занять. Никогда я еще не говорила столько личных мыслей незнакомцу, будто меня загипнотизировали. – Правильно! –

вскричал Крис так громко, что зазвенела стеклянная дверца стеллажа с книгами по кулинарии.

– Ты абсолютно права! Хотя и много не знаешь об устройстве миров. Серое вещество работает, шевелится... Человек – небезнадежен, пока хочет дойти до сути вещей, понять того, кто их создал...

Но ответь мне еще на два вопроса, только подумай хорошенько: а если тебе по наследству передалось владение оружием, и у тебя в детстве был толковый учитель? Твои родители были чуть ли не богами войны и передали свои умения тебе? Удача, капризная чертовка, улыбнулась тебе, и ты преспокойно рубишь врагов как хлипкие щепки. То ты не проживешь в средневековье и дня? Неужели?

Я лишь глупо улыбнулась, наверняка производя впечатление потерявшегося котенка посреди оживленного уличного трафика, припоминая героев трилогии и прочих персонажей книг. Такие ассоциации и сравнения с реальным миром, безусловно, интересны. Мне было интересно, хоть странно разговаривать о таких вещах с человеком из другой страны, так ловко изъясняющимся на русском.

Крис стоял и выжидающе глядел на меня уже серьезно и скорее беспокойно, будто мой ответ мог бы что-то изменить. Усмехнувшись и чуть помедлив с ответом, я сказала:

– Если бы я умела стрелять из лука и расшибать черепуш-

ки врагов топором всмятку, то думаю, я бы не задумывалась о таких вещах, как страх изнасилования. Боги войны ведь не могут научить плохому, верно? Такой дар я бы смогла использовать по назначению. Зависит от моей миссии, цели... К чему простой крестьянке все это? А вот если на твоих плечах судьба целого мира? Почему нет?

Я немного помолчала, заметив, что охранник до сих пор продолжает стыло глядеть в окно, не видя ничего вокруг.

– Как ты думаешь, ваше общество объято злом? Жестокостью? Похотью и ленью? – снова начал допрашивать меня Крис, но в этот раз мой ответ был быстр и очевиден. – Нет. Это все вытекающее. Мы объяты страхом. Страхом перед смертью. Из-за этого все проблемы. Если бы мы знали, что же там... дальше... кто знает, по какому бы маршруту пошел бы развиваться наш мир... – я умолкла, призадумываясь сама над своим ответом.

– Я очень хотел бы это проверить... И еще некоторые интересные вещи... – сказал Крис абсолютно холодно и ровно. Тон голоса его поменялся, будто погода за окном. Куда-то исчез его шуточный юмор и дерзкий сарказм. Глаза его больше не улыбались. Насмешливость и ухмылки куда-то испарились. Станиславский взял бы его в театр незамедлительно: столько разнообразных гримас и характеров за короткое время.. Но, я слишком много думаю вместо того, чтобы дей-

ствовать.

– Твой мир удручает тебя верно? Не только тебя – твоих родственников, друзей, бывших союзников, братьев по духу...

Но признайся честно, хотя бы себе самой... ведь у тебя нет братьев по духу...

– Этот мир, Крис, удручает очень многих, – грустно отозвалась я, понимая, что этот человек скорее всего ничего не имеет общего с людьми, как бы фантастически эта идея мне ни казалась.

Но меня уже открыто понесло. Не знаю, что так сказалось на моем доверии... Вечная голодовка общения с себе подобными приобрела свой источник пищи. Я ухватилась за него, как утопающий в поисках спасательного круга. – Только богачи и везунчики наслаждаются жизнью. Или те, кто обрел любовь или смысл жизни. Знаешь, Крис, мой брат потерял и то и то. Но я не ведьма, которая одним взмахом волшебной палочки может решить все проблемы. Этого умения мне и недостает... все мечты... все... вся жизнь подчиняется не нам... мы всего лишь марионетки, – как-то про себя буркнула я. Мой собеседник уж слишком понимающе кивнул, напоминая экзаменатора, готового завалить неготового студента и озираясь по сторонам одними глазами, не поворачивая головы, он что-то прошептал себе под нос. Откинув назад пожелтевшие волосы, Крис медленно, как молодой оратор

перед толпой, торжественно произнес:

– Все закончится, милая девочка... Все закончится, как ты пожелаешь. Твоя жизнь, надежды, страдания..., – он вдруг крепко ухватил меня за запястье, а второй рукой проворно достал из кармана джинсов нож, или скорее кинжал, уж слишком добротной и изящной работы он был. С выделанной рукояти на меня глядела серебряная змея, пожирающая свой хвост.

Боже, как я успеваю об этом думать, он же сейчас УБЬЕТ меня на глазах у всех!!! Но никто не отреагировал на это, словно он был из воздуха, призрак, невидимая сущность, взявшаяся ниоткуда... Я со всех возможных сил рванула в сторону, задев ногой нижнюю полку стеллажа, и книги неуклюже посыпались на пол, вместе с пролитым на ковер последним кофе.

Мой крик разбудил бы мертвого, но люди и не двигались. Мимо, как в замедленной съемке немого черно-белого кино, прошмыгнула моя крыса-начальница, не подняв на меня взора.

И о боже, но мне было стыдно, стыдно умолять, просить пощады или звать на помощь! Меня не могут убить, просто не могут, это невозможно!!! Я гордая, сильная и независимая, никто не смеет трогать меня, все это скоро закончится, я проснусь дома в теплой кровати; мама будет готовить обычный завтрак из овсянки с фруктами, а потом я снова

пойду на работу. На работу, которую люблю, цену, о, как я ценю ее в этот миг!

Железная хватка моего обидчика не позволила мне даже шевельнуть кистью. Жилы на запястье побелели. Меня окутала необоримая паника; я словно была морским животным, брошенным на берег, задыхающимся и умирающим на раскаленном песке. Я чувствовала, как по моему телу поднимается невыносимый опаляющий внутренности жар, впере-мешку с холодным потом, страх, жуткий страх поглотил меня; неизвестность куда страшнее болезни и проваленных эк-заменов, страшнее смерти, страшнее боли...

Ярко-синие глаза человека запылали бушующими искрами пламени, он прищурился, напряг все свои мускулы, и, стиснув зубы, нанес мне удар точно в грудь. Я так и не сумела вырваться. И, я осознала, что пальцы его были ледяными, как вода, замороженная в морозильной камере... Это не были пальцы живого человека.

Все произошло буквально за три секунды... Но сколько мыслей посетило мою голову в этот миг... расплавленным кипящим металлом вошли они в мой беснующийся разум так быстро, так стремительно, так бесследно...

Как быстро... как быстро все закончилось...

Холодное железо так легко и плавно вошло в мягкую ко-жу. Я и не думала, что человек настолько уязвим, слаб, его так просто убить.

Ледяной холод вошел в мое сердце, и жгучая боль пронзила мое естество. Я успела подумать только о том, что, наверное, именно так люди ощущают сердечный приступ. Со смертельным исходом...

Упав на колени, я схватилась за край стола и усилием воли заставила себя посмотреть на своего когда-то смеющегося убийцу. Внезапный едкий кашель раздирал мне горло, как когти хищной птицы разделяют мягкое мясо жертвы. В подступающей агонии изо рта у меня заструилась кровь. Это конец... А все так хорошо начиналось.

Насупившись, Крис серьезно и сосредоточенно вытирал нож о край своей рубашки, даже не удостоив меня взглядом. Будто он выполнил какое-то важное задание и теперь свободен, как ветер, как я сама...

Наступила пелена тумана перед глазами; один миг длился нескончаемую вечность, но я еще могла различать свою темно-вишневую кровь, неспешно струящуюся по блузке, заливающую стол, кресло и весь мир...

«Играй свою роль, как играла здесь роль неудачницы».

Глава 4. Бронзовый Лис

Жаркий палящий зной вызывал у мастера-оружейника сильную жажду, но он помнил о правилах приличия в столь знатном доме и порывал в себе желание кинуться к ближайшему фонтанчику с ледяной чистой водой.

Духота пробуждала лень и клонила бородатого, чуть полного человека в сон. Близился закат, и толстые чайки низко кружили над огненной гладью бесконечного тихого моря. Богато украшенный причудливыми восточными узорами замок, был словно вылеплен из мокрого песка, поддержанный широкими колоннами с изображениями древних королей этих жарких мест. Небо над морем заалело и засветилось золотом.

«Красота» – думал оружейник, слушая вполуха своего собеседника, с которым они прогуливались по владениям, наблюдая за таинственностью и очарованием пустыни. – «Она таит в себе много опасностей, но до чего, же она хороша и безмятежна на закате». Мимо пробежали служанки королевского двора, мальчики, разливающие воду; расслабленно прохаживались стражники, снявшие свои шлемы из – за душноты. Все веяло спокойствием и негой. Журчащие фонтанчики, предназначенные для питья, все больше привлекали иссушенный взор оружейника.

Его спутник – молодой айдарец, законный принц этих зе-

мель, все болтал и болтал без умолку, показывая уставшему мужчине достопримечательности столицы Айдар, Золотого Королевства Юга.

Принц был красив, хоть и не совсем юн. Ему давно стукнуло за тридцать, но его ловкие манеры, уверенная походка выдавали в нем сильного воина, хозяина и непобедимого воина Айдар. Темно-бронзовая кожа его отливала золотом, отражая лучи заходящего солнца; он отчаянно жестикулировал, отбрасывая назад полудлинные прямые волосы, цвета смолы. Он постоянно искал внимания оружейника, заглядывал ему в лицо своими узковатыми, как у лисицы глазами, орехового цвета, но с янтарными, желтоватыми вкраплениями.

Этот человек идеально подходил на роль принца. Как внешне, так и внутренне. Кузнец много повидал на своем веку людей хороших и не очень, и он мигом раскусил молодого наследника. «Что-то задумал молодой лис... Не зря он так заговаривает мне зубы местными скульпторами и архитектурой. Однако, он добр ко мне. О, небеса как же хочется пить! Готов исполнить любую его просьбу, лишь бы напиться из того чудесного фонтана с рыбками! Даже не побрезгую».

Мимо, шурша воздушной тканью, пробежали две девушки: одна легкая и воздушная с длинными черными косами, другая с короткими пепельными волосами, несколько грузноватая на вид. Искоса оглянувшись, они чуть замедлили шаг. Принц слегка кивнул им, продолжая свой путь.

– Ты не понимаешь, мой дорогой Мэллорн: мне нужно от тебя лучшее, что ты способен сделать для. Ты получишь большую награду и сможешь жить во дворце, есть со мной за одним столом, гулять вечерами по берегу моря. Море будет ласкать твои натруженные ноги. Я позволю взять тебе в жены любую из моих красавиц-служанок. А в служанки я беру только прекрасных девственниц с островов Черных Глубин. Они славятся своей терпеливостью и желанием угодить. Бесхарактерны, но как, же сладко поют по вечерам! Ты не будешь испытывать нужду до самой смерти. Даю тебе слово Бронзового Лиса. Оно дорогого стоит, а, Мэллорн? Ты же сам знаешь!

Бедный пожилой оружейник даже приоткрыл рот от удивления. Он совсем забыл про жажду и усталость. Оглянувшись по сторонам, он убедился, что две девушки скрылись за поворотом, и настороженно спросил:

– Зачем вам так дорого платить мне за обычную работу? Я каждый день кую мечи и сабли, выделываю кожу для доспехов, делаю стрелы для луков и даже составляю смертельные смеси для ядов. Но так много мне еще никто не обещал. Могу ли я верить вам, ваше величество?

Бронзовый Лис засмеялся, показывая свои чересчур ост-

рые резцы. Он похлопал кузнеца по плечу и направился с ним в прохладу открытой веранды дворца.

– Мой род всегда держал свое слово до конца. Даже, если за это им приходилось расплачиваться смертью. Вы давно служите при дворе, но при этом живете в дряхлой лачуге. Я хочу сделать вас единственным лучшим оружейником столицы. Айдар – великий южный город, куда съезжаются богатейшие купцы со всего Киритайна. Но ваша задача будет очень ответственной. Можно сказать, что оружие и доспехи, что вы сделаете, будут судьбоносными. Не улыбайтесь так, я вовсе не самовлюбленный гордец. Вы узнаете обо всем в свое время. Мое предложение заманчиво не только для вас. Я давно искал человека, который возьмется за эту работу: я выписывал пару работников с самого севера и с тех самых островов Черных Глубин, но все они не подходили мне. Одно-го я отправил домой за чрезмерную развязность языка и любопытство. Никаких вопросов, никаких лишних слов, Мэллорн. Все, о чем мы будем говорить, должно остаться в тайне. Если вы понимаете, о чем я...

– Я понимаю, ваше величество. Ни на секунду не сомневаюсь в ваших добрых намерениях. Я уже далеко не молод. Мои умения принесли много славы вашему роду. Мечи, выкованные мною, по сей день участвуют в сражениях и побеждают врагов. У меня просто нет выбора, принц Агварес.

Вы сразили меня своим обаянием, конечно же я верю вам... уж слишком много повидал я на своем веку, – кузнец добродушно улыбнулся принцу, и тот одобрительно кивнул.

День заканчивался, спускались розоватые сумерки, и парочка уселась на веранде, попросив у служанки немного вина и фиников. Они еще долго говорили и говорили, и были весьма довольны друг другом.

Если и бывают на свете честные сделки – то эта была одна из них. Хотя и не без примеси личной корысти с каждой стороны. Агварес был умным, но расчетливым человеком. Его семья отчаянно защищала справедливость и пролила кровь за невинных; это привило принцу разумную хитрость и дальновидность. Он понимал, что бездумное жертвование никогда не приведет к миру в их стране, и потому в его голове много лет зрел план. План победы, план устранения зла в этом мире, погрязшем в грехах, насилии, стремлении к власти и наживе.

Род принца был необычайно вспыльчивым. Любую несправедливость они карали железом и огнем, лишаясь при этом и собственных жизней. В пылу битвы они теряли головы и сражались во имя безумия. Их род потерял много сильных воинов, и потому Агварес слыл первым и единственным, кто стремился к благоразумию в вопросах внутренней и внешней политики.

И старый оружейник мог бы ему помочь.

Кузнец Мэллорн утолил первоначальный голод и жажду и был вполне доволен развернувшимися событиями. Они глядели на спускающиеся сумерки, слушали пение ночных птиц, и ничто не могло отвлечь кузнеца от наслаждения этим вечером, лучшим вечером в его жизни. Бедность исчезла за плечами в один день; он не будет больше голодать и носить лохмотья. К нему будут поступать лучшие заказы от военачальников и солдат Айдара. Раньше он тоже, случилось, ковал мечи для королевских особ, но такие заказы случались крайне редко...

Волшебная ночная тишина, нарушаемая лишь щебетанием птиц; тепло прогретого за день воздуха, погружали принца и кузнеца в поистине дружелюбное настроение. Однако, их мирную беседу нарушило чье-то хриплое оханье и нытье, так портящее чудесную картину благополучного южного города.

Я умерла. Просто умерла. Сейчас я увижу Бога. Ну или того, кто там нами правит и следит, чтобы мы вели себя хорошо.

Он скажет мне, что я заслужила, ад или рай, и я пойду своей дорогой. Все, как было в маминых книжках и по телевизору. Однажды я оставила маленького котенка умирать на улице холодной зимой. Побоялась принести домой – ба-

бушка не любила кошек. А еще как-то бросила парня. Жестоко так, холодно. Он потом еще год проклинал меня. Что на меня тогда нашло? За это я точно отправлюсь в ад. Хотя, я согласна на чистилище для начала. Хах! У меня еще есть смелость выпендриваться? Но... Вдруг после пыток мне немного смягчат приговор? Но я все еще лежу и боюсь открыть глаза. Там светло, я чувствую это «закрытым» зрением. Я попробовала напрячь руку, и у меня получилось поднять ее. Пощупав грудь, я не обнаружила раны, но это совсем не удивило меня. Я же привидение, дух, я лишилась своей земной оболочки, какие уж тут раны. Самое смешное, что я с такой серьезностью об этом рассуждаю, будто это норма! Я умерла, я могу увидеть неизвестное, но также продолжаю думать в том же ключе, в каком размышляла при жизни. Жизнь ничему меня не научила. Как и смерть.

Здесь никого не будет – ни мамы, ни брата, ни книг и начальницы с моими коллегами. Они все заняты повседневными делами. Я умерла, а они продолжают жить... Молоко, как и прежде, развозят по магазинам, по утрам мой сосед гуляет со своим злобным питбулем, а мама, вероятно, как обычно, готовит на ужин суп, поджидая меня с работы. А я не вернусь. Я мертва. А вдруг, если я не открою глаза – то меня не тронут, не отправят в ад или на суд? Я так буду лежать, пока не кончится вечность, я же призрак и не знаю голода и жажды, какая мне разница?

Рассуждая, как малый испуганный ребенок, я так проле-

жала еще минуты три, шевеля пальцами рук, нащупывая траву под собой. Траву? Сердце бешено заколотилось, и мне почудилась надежда. Если все это сон, и я сейчас просто лежу на траве...Какая еще трава? Когда я умерла – дули северные ветра, метель стучалась в окно. Я должна быть смелой. Я посмотрю, что вокруг. Смерть не пугает меня, пугает неизвестность. Отдернув пелену, я перестану ее страшиться.

Угомонив голоса в моей гудящей голове, я прислушалась.

Странные звуки слышала я: то пели птицы, пели сладко и переливчато, будто соревновались, кто споет лучше; шум прибоя ласкал мой слух. Я никогда не была на море, но этот нежный ропот волн невозможно спутать ни с чем.

Надежда зажглась. Или я уснула на работе, что иногда случается. Напрягая слух, я услышала голоса... людей... Людей.

Что они делают на небесах? Они увлеченно что-то обсуждали, совсем не замечая меня. Это не было сном. Я ощущала дуновение ветра, прохладу травы, боль во всем теле, это реальнее реальности. Разве духи испытывают боль? Совсем растерявшись, я подумала о маме и брате. Будучи живой, я им нужнее. Я должна остаться в живых ради них. Где бы я ни была. Это все шутка, глупая шутка человека по имени Крис. Но он не человек. Теперь я уверена в этом. Я выясню, кто он, и чего хотел от меня.

Стиснув зубы, я приподнялась на локти и перевернулась

на живот. Заныв от тупой боли в мышцах, я поморщилась. Глаза по-прежнему держала закрытыми.

Журчанье воды, такое нежное, словно в декоративном фонтанчике, что стоят в торговых центрах, достигло моих ушей.

Никогда не любила торговые центры и магазины одежды. Столько шумихи из-за покупки новых сапог или купальников. На эти деньги я бы с удовольствием купила бы друга или подругу, или гармонию в душе. Каждому человеку на этой земле нужен психоаналитик, чтобы не воспринимать мир так серьезно.

Сейчас я встану, выпью воды и все станет ясно. Однако, не все так просто. Стоило мне сделать малейшее усилие, и жгучая боль, пробегала по телу. Терпимая, но неприятная. Вскрикнув от нее, я все же осмелилась и широко открыла глаза, сев на мягкую, чуть влажную траву. Месячный глупый щенок, впервые увидевший улицу, почуявший незнакомые запахи, людей, собак, кошек, испугался бы в сто раз меньше, чем я в тот злополучный день.

Они боятся выйти за порог в эту большую жизнь. А я уже была за порогом.

В миллионах километрах от него.

Слишком много книг отложилось в моей голове, чтобы я не могла понять, где нахожусь. Песок, много песка, море

в нескольких шагах, тяжелые толстые колонны, испещренные надписями на ПОНЯТНОМ (?) мне языке; вдали мелькали все больше смуглокожие люди в длинных легких одеждах. Если это не смерть – то абсолютно точно, нелепый сон, где развитие событий зависит не от моего сильного желания.

Прерывисто дыша, я поглядела вниз, ощупывая траву. Я сидела на малом островке зелени, посреди богато украшенной веранды; рядом лился веселый фонтанчик ключевой воды, эдакий оазис в пустыне. Неподалеку за резным столиком из белого мрамора сидели двое мужчин, поглощая финики и виноград. Один совсем старый, бородатый, но все еще крепкий, с мускулистыми рабочими руками; второй – молоде – ухоженные волосы, небрежная поза, выдавали в нем хозяина этих мест. Его простой, изумрудного цвета халат, запахивающийся на поясе, обманчиво смотрелся безобидным и неказистым. На широком кожаном ремне висели ножны с саблями. Это точно были сабли, я видела такие в книгах и фильмах.

Я будто играю роль трупа в малобюджетной театральной постановке. Они не замечали меня.

Крис, дьявол бы его побрал и его мерзкую душу, это были его проделки. Не думаю, что он был ангелом света. Это не было похоже на сон. Он отправил меня из холодной надоевшей реальности в выдуманный мир. Или сотое измерение,

где все также правдиво, как моя затянувшаяся рана на груди. В жаркий край, где я не выживу и часа. А есть ли здесь драконы или орки? Или это просто далекая южная страна, куда меня быстренько, как посылку сбросили с самолета?

При таком раскладе мой начальный английский должен меня спасти.

В книгах Мартина сложно остаться в живых. Да и Толкин способен на коварные, хоть и предсказуемые повороты сюжеты. Кто я такая, чтобы меня пощадили?

Вздыхнув, я обратила свое внимание на фонтанчик, и, наклонившись над прозрачной гладью, увидела в нем свое отражение. Прохлада воды коснулась кончиков моих пальцев и волос. Волос? Я проморгала пыль в глазах и приоткрыла рот от изумления. Это была не вечно усталая Елена с мешками под глазами, серым цветом лица и вечно спутанными волосами на концах, которые ни одна расческа не могла прочесать.

Ниже спины у меня свисали длинные темные волосы, почти черные, с пепельным отливом, прямые и блестящие, что несказанно обрадовало и шокировало сразу. Какое дело сущностям, типа Криса до моей внешности? Лично я плевать на нее хотела... Но несмотря на темные волосы, не было во мне ни намека на сходство со здешними обитателями песков. Как и шибко русского. Все это так весело, как детская игра. Во сне всегда здорово наблюдать за собой со стороны.

Что за бред? Белую, фарфоровую кожу с розоватым

утренним румянцем, освещали лишь два моих чуть раскосых глаза,, льдисто-голубого цвета, как у северных собак. Зеленые глаза канули в лету. Мою одежду составляли лишь шелковая короткая туника светло-небесного цвета, подпоясанная таким же ремнем, как у того гладковолосого мужчины и сандалии с тонкими шнурочками, обвивающие мою ногу до коленей. Дотронувшись до бедра, я почувствовала холодную сталь. Кинжал. Отлично. Я смогу защититься от воинственных южан или убить себя.

Крис все предусмотрел. Человек из мира технологий не выживет в среде мечей, стрел, ядов и интриг. Только я не умею драться. Однажды я порезалась ножом для хлеба, что пришлось накладывать швы, а тут....

По крайней мере на этот раз я умру по-настоящему.

Но моя судьба, контролируемая самим дьяволом, не позволила мне долго любоваться своим новоприобретенным отражением. Куда-то исчезли мои синяки от недосыпа и помятое лицо, недовольный вид, когда-то постоянный мой спутник. На меня смотрела цветущая девушка-брюнетка, но, словно сошедшая с заснеженных холмов. Таких я видела в маминых каталогах для вязания в моем детстве. Круглая форма лица придавала моему выражению некую юность и выражение лица: «а что вы все здесь делаете? Я только что проснулась».. Неохота терять всю эту молодую красоту.

В моем мире красота увядает и меркнет, как роза на зимнем ветру. И только теплое дыхание любви способно оживить ее...

Но мои противоречивые раздумья прервала чья-то теплая ладонь, положенная на плечо, и голос, участливый и беззлобный, обратился ко мне:

– Ты уснула прямо на траве, моя дорогая. Что так вымотало тебя сегодня? Твои сестры уже готовятся ко сну. Завтра у вас сложный день, Раннвейг. Вставай, я помогу тебе, вот так. Ты едва стоишь на ногах... – бронзовый человек с изогнутыми наточенными саблями, ласково обратился ко мне, обхватывая меня за талию и поднимая на нетвердые ноги.

Я на секунду представила, как эти сабли входят в мой живот, и скорежила мучительную гримасу. Однако... Какие у него красивые волосы, думала я. Наверняка мажет маслами или еще чем. У него твердые плечи, и он спокойно, как пушинку, поднял мое тело. Раскосые глаза на узком загорелом лице играли желтоватыми искорками. Он был мускулист, но не крупен, будто высушен солнцем и соленым морем...

Главное не проболтаться ему об этом. Раннвейг? Что за длинное непонятное имя? Я Елена... Просто Елена из заснеженной, забытой богами страны. И что у меня за сестры? У меня есть лишь непутевый, но несчастный брат. Кажется, смуглолицый не собирается разрубить мое тело своими саб-

лями. Как же они угрожающе сверкают на солнце... Бросает в мелкую дрожь. Мне придется играть роль, но какую? Раннвейг? Черт бы побрал эту Раннвейг! Чтобы выжить в этой вселенной или во моем сне, мне придется много лгать и притворяться. Если я хочу жить? А жива ли я вообще? Ха-ха-ха, какие глупые вопросы я задаю, какие тупые и глупые... Если бы я знала, куда сам черт меня забросил. Бог не принял меня на небеса, либо оттягивает этот момент, чтобы понаблюдать за моей жалкой жизнью.

Но все же, все же... Я должна выжить ради брата и мамы. Выжить, только и всего. Простейшая задача, тьфу! Они любили меня. Единственные люди, любившие меня беззаветно и честно. Никто! Нет, никто не любил меня! Я все буду делать ради них, чтобы мне ни приказали. Этот незнакомец не походит на шутивого простака – но и я не столь умна, чтобы обхитрить человека с саблями. Главное, чтобы меня не заставляли есть рыбу. Ненавижу рыбу!!! Кажется, я начинаю бредить.

Крис наделил меня кинжалом и довольно смазливый лицом. В мире шоу-бизнеса я бы покорила всех продюсеров. В этом проклятом мире, чем бы он ни был, я играю свою главную роль, и пришло время познакомиться с моими «коллегами». Подбадривая себя внутренними монологами, я почувствовала, что свет все-таки проник в меня. Впервые за много лет. Быть может тому виной палящее солнце

незнакомому мне песчаного города. Я решительно посмотрела в глаза незнакомца, находя их совсем не зловещими, и, улыбнувшись, произнесла:

– Сегодня тоже был тяжелый день. Быть может, меня разморило от жары, вот я и уснула возле фонтана. Я бы поела чего-нибудь, – окинув взглядом тарелку с финиками на столе, я слегка замешкалась. – Фиников, например, или винограда, – и не поймешь, что они тут едят. Человек прищурил один глаз и хитро улыбнувшись, шепнул мне на ухо:

– Все ради моей любимой *дочери*.

Он взял меня под руку, и мы направились в залы этого открытого, как балкон, замка. Наигранно прозвучала эта его фраза, будто он хотел показать сарказм, который должен был быть понятен только нам двоим. Но, естественно, я ничего не поняла. Терпение, Раннвейг, если это мое имя. Я все узнаю в свое время. Нужно быть хитрее, внимательнее ко всем мелочам, как заправский немецкий шпион. Только в экстремальной ситуации мой мозг, засыпанный тоннами некачественного фэнтези, соглашался искать выход. В обычных условиях урбанистической обстановки загазованного хмурого города невозможно открыть свой дух для чего-то нового и оригинального. Даже, если ты прочел всю вдохновляющее творчество Пауло Коэльо.

Город – убивает.

Там еще был человек с бородой, не отрывающий своих губ от бокала с водой – явно собеседник смуглолицего «папы». У него была седая борода и рабочие руки, и он долго провожал меня любопытным взглядом.

Я – важная персона?

Мы остановились у позолоченных широких дверей с выгравированными на них львами и двумя стражниками в черных доспехах и длинными копьями. Такие забавные, даже не шевелятся. А мне нужно поздороваться с ними? Это правила приличия, их никто не отменял.

Дура. Я просто дура.

Бронзовый человек подле меня совсем странный. Он смотрит на меня как-то... как-то не так. Я не могу объяснить... но такого папочку я бы всегда побаивалась. Может, у южан принят такой близкий телесный контакт? Он держал меня всю дорогу за талию и больше помалкивал. У нас с ним точно есть секреты, я должна узнать их как можно скорее, пока он ничего не заподозрил!

– Раннвейг, ты запомнила того оружейника с бородой? Его зовут Мэллорн, и он мастер кузнечного дела, лучший в своей области в Айдаре. Завтра на рассвете ты пойдешь к нему в лачугу, что на востоке отсюда, здесь недалеко,

просто иди от главных ворот на восток и увидишь ее. Обсудите с ним, что да как. К вечеру я соберу тебе лучшего коня, – он понизил голос, косясь на стражников. – Скатти и Морелла тоже посетят его утром. Только... – он понизил голос. – Давай лучше поговорим в твоей спальне – эти хитрые змеи везде высовывают свои жала.

Шикарные покои, достойные только восточной принцессы открылись моему взору. На столе стояли фрукты и кувшин с вином. Не было ни окон, ни дверей, я спокойно могла выйти на воздух и увидеть море. Клетка с какой-то фиолетовой мохнатой птицей возвышалась на белом постаменте, а на желтоватых стенах висели гравюры с изображениями тигров, змей, лисиц и бородатых темноглазых людей в доспехах. Я плюхнулась на мягчайшую пуховую кровать с кучей шелковых цветных подушечек, но тут же, спохватившись, чинно уселась с краю.

Как-то не по-королевски я себя веду. Мимо проскользнула служанка, девушка лет пятнадцати, унося пустые чаши с вином, и только тогда бронзовый человек расслабился, налил нам по бокалу вина и, сняв кожаные высокие сапоги, сел на меховой коврик у моих ног.

Он мой родственник, он любит меня? Я его дочь, неужели это правда?! Он ведет себя раскованно, уверенно, это его замок, или его город, или даже его страна? Мысли, роем несносных пчел, копошились у меня в мозгу. Я жадно отпи-

ла вина, потом еще и еще, пока не осушила его полностью. Мне захотелось опустошить весь кувшин, но сдержалась.

Человек задумчиво глядел на мои пыльные ступни, перебирая пальцами золотые кольца на пальцах. Меня пугал его взгляд. Эти непонятные южане. Хорошо, что я северянка – наши отцы довольно холодны и сдержанны, но это не показатель любви. Мне стоит играть по его правилам, если я хочу выжить.

Вино быстро вскружило мне голову. Кажется, я хотела забиться от той реальности, что обрушилась на меня в один миг. Где-то в глубине души я надеялась, что сейчас, в эту секунду все закончится, я вернусь домой, буду жить по-прежнему, не вспоминая о том, где я побывала и что видела. Это не по-настоящему. Фальшь, театр. Придуманный мир одного человека, готовый уничтожить слабого героя, не подходящего канонам жестокой пьесы.

– Дорогая моя. Пойми, что это будет большой ответственностью для тебя. Но это должно случиться. Так предначертано, пойми. Не спрашивай, откуда я это знаю. Все мое время. Я дорабатывал наш план миллионами разных способов, и сейчас, он достиг совершенства, как этот жаркий, но прекрасный край, – тут Агварес тепло улыбнулся, неожиданно привстал на колени и, обхватив меня за шею горячей рукой, впился мне в губы. Я опьянела достаточно, чтобы не позвать

на помощь или вклеить ему звонкую пощечину.

Нет. Он точно мне не отец. Принц невозмутимо продолжил, утирая губы салфеткой:

– В доме никто не знает, что мы с тобой любовники. Ну точнее... догадываются... Но подробностей им знать необязательно, верно? Твои сестры любят тебя, хотя Скатти и не показывает этого. Будет большой ошибкой, если она не примет тебя, как сестру... И пусть для них ты – моя незаконнорожденная дочь... Они не слепы... Они знают все, или хотя бы предполагают. Правда сей истории никому не нужна, она бы уничтожила всех нас, ведь ты понимаешь?

Мы отлично играем наши роли, хотя от ошибок никто не зарекается. Моя жена Хальти ни о чем не подозревает – ведь каждую из вас я люблю абсолютно одинаково. А ты знаешь, как любят в нашей семье: вплоть до самосожжения. Образно выражаясь, конечно...

Пей вино, милая Раннвейг, кто знает, что будет завтра.

У меня в горле застрял большой комок. Настолько большой, что я не могла ничего сказать. Запихнув в рот горсть виноградин, я принялась сосредоточенно жевать. Муж? Тайный любовник? Ну, он симпатичный, и к тому же принц. Но... Это ведь значит. Да, значит только одно: я отдала свою невинность смуглому незнакомому южанину. Какой ужас! Быть незаконной женой – это унижительно! Что за скотские

правы? Боже, меня сейчас вырвет.

Я улыбнулась ему улыбкой сытой волчицы после кормежки в зоопарке и отвернулась.

Какое-то время мы молчали и просто глядели на жужжащую муху в тарелке с фруктами.

Я глядела на этого странного человека в зеленом халате, его темную щетину, кожу рук, которая была высушена тысячами ветров этого мира. Желтоватые глаза с прищуром были теплыми и располагающими, и даже присущая им хитрость пылала некой мудростью. Этот принц не валялся на шелковых подушках с детства, он воевал наравне со своими родственниками и воинами, и он задумал что-то очень уж глобальное.

План захвата власти? Борьба за всемирный трон? Знать бы в чьем мире я нахожусь. Что за Киритайн? А что еще движет королями, президентами в нашем и чужом мире? Не иначе как жажда еще большей власти и влияния. Хмыкнув про себя, я вздохнула. Агварес вскинул голову, и лицо его запылало:

– Что такое, милая? Что беспокоит тебя? Я развею любое твое сомнение. Ты доверяешь мне?

– Ммм, нет, дорогой мой принц, все в порядке, ты един-

ственный человек, которому я бы доверила свою жизнь, – запнувшись, пролепетала я, раздумывая, как незаметнее узнать о себе же самой. Будто больная амнезией, которая отчаянно пытается вспомнить, что она ела на завтрак. – Меня немного беспокоит мое прошлое. Не повлияет ли оно на развитие событий в дальнейшем?

– Повлияет, – вздохнув, промолвил Агварес. – Но только в том случае, если ты забудешь, кто ты. Как бы и мне самому не забыть, кто ты...

Всегда помни две вещи: доверять можно только айдар и людям, кто спас тебе жизнь.

И вторая: пей вино; кто знает, что будет завтра. Так говорил мой отец, твой «дедушка». Каждый день он проживал так, будто он последний, радовался жизни, воевал, дарил золото нищим, плавал в море, пил, любил свою жену, будто она прекраснее всех принцесс. Думаю, ему не будет стыдно перед богами, когда те заберут его душу.

А что касается тебя, Раннвейг...

Последствия неизбежны, но ты не должна их страшиться. Слышишь? Нет, посмотри на меня! Посмотри внимательно!!!

Айдар не боятся, они убивают страх! Хоть ты и не нашей огненной крови... Ты не южанка, Раннвейг, это правда... Твоя кровь пропитана магией, пусть ты и не замечаешь это-

го! Ничто не сломит нас! Даже в логове шакалов тебя будут бояться, ибо ты сильнее! Сильнее духом, потому что ты... ты другая... ты не обычная...

Я знаю, что твоя мать была могущественной колдуньей, живущей в северных лесах далеко за Зеленой деревней и Полями Ведьм. Она много чего предвидела, ее боялись очень многие грязные на мысли люди. Я не знаю, ем был твой отец, увы, но уверен, что ведьма видела что-то... Возможно, что, именно ты являешься главным оружием справедливости.

В маленькой лесной деревушке мать воспитала тебя до шестнадцати лет, а после... а после я нашел тебя на берегу моря в одной рубашке. Ты ничего не помнишь... Ты и так это знаешь, что я тебе рассказываю! У тебя есть свое предназначение; колдунья-мать могла наделить тебя некими способностями, о которых мы не догадываемся. Даже сейчас, ты уже взрослая, но не доверяешь никому полностью. Потому что твое прошлое покрыто мраком. Увы... Ты утопаешь в сомнениях. Я хочу помочь тебе их развеять, только доверься мне... В свое время ты все узнаешь, ты все узнаешь, я обещаю...

Раннвейг... Раннвейг...

Принц коснулся моей руки, но я, словно, не почувствовала. Ледяной вихрь страха окутал меня, будто рука незнакомца, замышляющего мое убийство. У меня нет ни прошлого, ни настоящего. Я так хочу к маме! Домой, в теплую постель,

спать и только спать! Спать целую вечность, пока мой разум не сотрет весь ужас, что свалился на мою голову, как лютый сибирский мороз.

Меня будто вообще не существует даже в этом выдуманном мире. Подобрали, как бездомную собачку, внушили значимость и посылают... куда-то... Стоит узнать, конкретно, куда, если я хочу жить. Хочу ли я вообще жить дальше? Конечно, я жертва сериалов и фильмов, обязана узнать, что за тайные способности у меня есть. Это значительно облегчит жизнь.

Человеку из моего времени куда проще анализировать ситуации, руководствуясь полученным опытом разных режиссеров и сценаристов, исторических данных и неудач военных конфликтов. В этом моя слабость... чего ждать от интриганов этого мира? Я не умею плести заговоры, я не паучиха с загребущими лапками, а жаль.

А он... я взглянула на принца, и он добродушно откликнулся мне безмолвной улыбкой... он и правда любит меня... Я не чувствую от него холод и расчет, он возлагает на меня надежды, а главное – верит в меня. Не знаю, но почему-то любовь чувствуется кожей, всем сердцем, а его взор пропитан самым нежным теплом.

Мой брат никогда не верил в меня, обвинял меня в излишней трусливости и застенчивости, хотя в душе считал это не таким уж и страшным пороком.

Принц терпеливо ожидал моего ответа, разглаживая несуществующую складку на моей тунике.

– Я...я боюсь не справиться... Это слишком сложно, – пробормотала я, прижимаясь к плечу Агвареса. Я не люблю тебя, принц, пока все еще не люблю. Но... Он теплый, такой теплый, нет, зло не может быть таким горячим и согревающим.

– Ты справишься, дорогая. За тобой весь Айдар, замок Огненного Льва, все Золотое Королевство; Острова Черных глубин таят в себе много ужасов, которые тоже вступились на нашу сторону еще со времен древних королей, венценосных орлов – Аркеллов. Север вернет свои позиции, вернет права на трон и уничтожит самозванку и ее отпрысков, иначе Киритайн окутает тьма... Айдар должен помочь, потому что мы не хотим подчиняться глупой женщине. Твоя сестра Скатти поедет на Запад – на свою кровную родину по матери, скалистый и соленый Лауритс; тамошние воины в битве свирепы, словно медведи. Дол Тысячи Лезвий – наши заклятые давние враги, однако, чтящие кровные узы. Авось Скатти и договорится.

Медвежий Король Лауритса – ее родной дед по матери.

Морелла же отправится в Палящий Край, в Хайблум – жаркие области на западе отсюда; там еще жарче, чем в Айдар, но секреты выживания их жителей нам пригодятся.

Обычные люди не выносят такого зноя. Нам же нужны любые союзники, Раннвейг.

Есть еще Красные Пустоши со своей столицей – Гордом Костей. Я был там много лет назад и видел звероватых людей в тигриных шкурах, ловких как волки и быстрых, как олени, красноволосых и янтарноглазых, убивающих любых чужаков, отличающихся от них по внешним признакам...

Однако, это место опасно для юной девушки... Быть может, я и сам поеду туда. Морелла же не умеет воевать и владеет мечом из рук вон плохо... Но я отыщу ей предназначение в Палящем крае, она единственная из всех нас переносит даже полуденный зной. К тому же там обитают знахарки, которые собирают ингредиенты для самых необычных зелий. Нам нужны эти знания, ох, как нужны, дорогая моя...!

А Морелла... Прекрасная черноокая Морелла с детства отличалась хитростью, похлеще моей. Женщинам вообще как-то проще договариваться с мужчинами, они сразу находят компромисс; у них всегда есть, что дать взамен, – принц усмехнулся, но тут, же улыбка сошла с его лица. – Раннвейг... Наша основная цель призрачна и неизбежна... Она находится за Одиноким Замком Трех Братьев, что чуть южнее северной границы, разделенный с одной стороны черными водами Дэдхолла, а с другой — Лучезарным морем.

С ними будет *проще*. Они не поддерживают вероломных северных правителей и живут обособленно, как изгнанные волчата из стаи. Им не интересна политика и вообще, жизнь

на материке. Эти братья необычны – они редко покидают пределы замка, даже ради охоты на соек, коих в лесу – кишмя кишит. С ними нам еще стоит познакомиться...

У меня есть кое-какие сведения на их счет... Но тебе необязательно это знать и думать о Братьях. Не это тебя должно волновать.

Тут до меня стало доходить. Мой мозг стал работать с невероятными усилиями, и пытался склеить вырванную информацию в полную красочную картинку происходящего.

– А я? Куда же еду я? – произнесла я вслух, погружаясь в размышления. Северяне – корень зла? Они захотели править всем Киритайном? Свободный когда-то Север захвачен самозванцами, это я уже поняла. Все земли и города вроде молчат, но на юге зреет недовольство. Агварес – зачинщик. Они хотят избавить мир от изменников и вернуть престол... кому? Кому вернуть? Никогда не понятно, кто истинный король, какую книгу ни возьми... Он хочет собрать войско, весь юг, от Острова Черных Глубин, Красной Пустоши, что расположена на чужом материке; западный Лауритс, где восседает на троне некий Медвежий Король, воинов Трех Братьев-отшельников и... и что же еще? Перед глазами у меня открылась карта, со всеми ее морями, реками, зубцами и клыками, пустошами и гаванями.

Кто истинный король Севера? Кого я должна представить

себе? Но тут Агварес перебил мои мысли:

– Как куда? Притворяешься глупышкой? Жара всегда плохо влияла на тебя, ведь ты чистокровная северянка, – он поцеловал меня в ухо и налил еще вина. – Твой путь сложен. Гм... Я попрошу Мэллорна положить тебе карту Киритайна в мешок с припасами. Северные земли: Застава Волчий Клык, Воровье убежище и Зеленая деревня открыто поддерживают Северную Королеву Торвальда.

Торвальд – источник всех бед.

Королева Эрика заплывала жиром и кровавыми развлечениями у себя во дворце, нагоняя ужас на все близлежащие деревушки и поселения. Ее гончие псы, отлично натренированные воины готовы принести ей голову любого человека в Киритайне, шевельни она хоть мизинцем ноги.

Неизвестно также, что случилось с далеким замерзшим Островом Копий, что за пределами севера Киритайна. Оттуда сбежали в один момент все жители, даже старики, лелеющие много веков суровый край островерхих сосен. Они отказывались что-либо говорить по поводу случившегося там. Загадка, хех! А ведь Островом несколько лет назад правила Эрика и ее род с самых древних времен. А некоторые жители Дагфинна и вовсе, пропали бесследно. Ну ты все это знаешь, ты все знаешь, ты же умница, Раннвейг!

Мы должны сломить Торвальд и Северную Королеву.

Не сразу, конечно. Такие дела не совершаются быстро. Решения не принимаются быстро.

Быть может, потребуются годы. Годы, за которые ты войдешь в доверие к северянам, станешь одной из них. Ты спрашивала, почему я не послал Скатти или Мореллу, или кого-нибудь из приближенных мне воинов.

Они не справятся... я чувствую это каким-то звериным чутьем... потому я послал их в другие земли Киритайна, там, где и они смогут разрешить свои личные вопросы и помочь мне... но ты другая... Спокойная, скрытная, ты всегда жила в каком-то своем мире, потаенном от взоров. В тебе есть страх, неуверенность, ты боишься показаться неидеальной, без чувства собственного достоинства, гордости. Алый Волк, Повелитель Крови при жизни был таким... И его жена — Богиня Райда, великая богиня отмщения, да... как красиво... но ты не создана для участи правителя. Ты будешь вершить судьбы других и судьбу свою собственную. Подожди, милая Раннвейг... — Агварес приблизил мое лицо к своему, прижав мне уши ладонями, он видел, что мне больно это слышать и понизил голос.

— Помни, против кого мы сражаемся, кто сделал наш мир таким, каким видишь ты его сейчас. Один человек — не воин. Но у тебя есть сестры и я... И помни мои слова о том, кому можно доверять. Это пригодится тебе в минуты отчаяния, когда ты станешь забывать, кто ты на самом деле, — у меня по телу бежали холодные мурашки от его слов, превращаясь

в мелкую дрожь, леденящий озноб. Такое ощущение известно всем, кто сидел в коридоре, ожидая свою очередь на экзаме-не. Внутри все замирало, падало вниз.

– Я поняла, мой принц. – Будь осторожна. По пути на север будет много опасностей. Берегись Поля Введьм. Не стоит соваться туда до того, как ты достигнешь Торвальда... Это может... сломать тебя. Не спрашивай, почему... Ты должна выжить. Когда доберешься до дома Торвальд, поведаешь им свою легенду, благо она столь правдоподобно, что я сам уже поневоле стал в нее верить! – принц засмеялся, и мне стало немного легче.

– Давай проговорим еще раз, – я сгорала от любопытства, боясь прослыть дурочкой. Принц уже охмелел от вина, и лег на спину, мечтательно уставившись на резной потолок. Глаза его сияли.

– Самое главное. Проси встречи только с Эрикой, Северной Королевой и держи оружие наготове всегда, где бы ты ни находилась, и как бы безопасно себя ни чувствовала. Если тебя заставят надевать платья и юбки – делай, как говорят, но поверх всегда надевай доспехи. Эти ее сыновья, вечно голодные гиены, засиделись в замке, особенно Кейси, позабыв звон разгоряченных клинков в битве и ухватятся за любую возможность повеселиться. Как только ты войдешь в замок и вдруг увидишь расшитые морды собак с круглыми ушами и туповатыми мордами на груди – помни, это они.

Избегай сынков и их свиту.

Королева Эрика – известная шлюха, каких еще нужно поискать. Ровно двадцать лет назад она был проездом в Айдаре, тогда еще мало кому известная. Но мой отец помнит это событие. Она изрядно повеселилась в тот день со своими братьями, а после они уехали на охоту в Дол Тысячи Лезвий. Ты – якобы ее бастард, зачатый в тот день от некоего стражника границы Айдар... или простолюдина – значения не имеет, она все равно не вспомнит. Можешь выдумать себе любого отца. Всех своих родившихся девочек-бастардов она просила скидывать с крутого обрыва в бушующее море.

Такова традиция. А значит – ты имеешь полное право быть ее дочерью. Ее шавка, выполняющая приказы по умерщвлению девочек струсилла или пожалела столь красивое существо. Следов уже не найти. Ты Ингольд, если можно так грубо выразиться. Убеди Эрику Ингольд в этом. Ты похожа на северянку глазами, кожей, а волосы – темные, айдарские.

Но не это твой главный довод. Ты должна сама поверить в это. Это ключ к успеху. *Не доверяй никому, кроме айдар и тех, кто спас тебе жизнь...* Повсюду враги, но и друзья. Ты должна стать одной из них, северянкой, дочерью королевы; народ должен идти за тобой, выполнять приказы. Неважно, сколько времени потребуется. Его у тебя предостаточно. Айдар за тобой. И да, – он закатил глаза и с сожалением по-

косился на меня. – Я знаю, как ты бережешь свои ценности... Всякое бывает, милая Раннвейг... чтобы доказать свою преданность, тебе придется делать многое, что противоречит твоим взглядам... не грызи себя за содеянное... ведь я и сам много чего творил в жизни, о чем иногда жалею... но потом вспоминаю, ради чего все это – и спокойно засыпаю!

Помни, кто твой настоящий враг и кому можно доверять. Я буду присылать тебе летучих мышей с посланиями. Если ты долго не будешь получать вестей от меня – не переживай! Делай свое дело и двигайся вперед.

Ты – лучшее, что случилось со мной за всю жизнь, милая Раннвейг. Я благодарен тебе за то, что ты просто есть... ты помогла мне не сойти с ума в свое время... Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю целиком... Боюсь, она не обрадует тебя, но ведь... всему свое время, верно?

«Это хороший план», – думала я. «Но меня пугала не жизнь в далеком злобном Торвальде, а то, как поеду туда одна через лес с волками, медведями, снующими вдоль дорог разбойниками и головорезами из Дола Тысячи Лезвий. Я совсем не ориентируюсь в лесу, не знаю, сколько весят мечи и плохо стреляю из лука. Я никогда не убивала людей и боюсь представить каково это.

Принц слишком верит в меня. Хотя я и не знаю, кто такая Раннвейг на самом деле, и какие еще она прячет тайны в биографии.

Боже, я устала, вино совсем разморило. Бросив взгляд на берег моря, я увидела, что там уже глубокая ночь. Сколько я не спала? После смерти, казалось, уже целую вечность!

Комната расплывалась у меня перед глазами, и я плюхнулась на кровать, расшнуровав и сбросив сандалии. Агварес улыбнулся и привстал, чтобы погладить мне волосы.

«Не забудь про завтрашний визит к кузнецу на рассвете. Это наша последняя встреча. Я не буду тебя провожать для отвода глаз. Оружейник все тебе расскажет. И...я люблю тебя, моя смелая Раннвейг, засыпай... Помни, что выбор всегда только за тобой».

Агварес тихо, как кошка выскользнул за дверь, захватив кувшин с вином. Больше я ничего не слышала. Утопая в мягких шелковых подушках, я блаженно вытянула ноги. Тяжелый свинцовый сон навалился на меня быстро.

– Пусть приведут стражу и мою армию в полную боеготовность. Мы должны быть готовы к защите и нападению. Медвежий Король и его союзники не дремлют. У наших границ видели их шпионов, – приказал он угрюмому стражнику у двери, и тот как ужаленный, сорвался с места.

– Все только начинается, – довольно прошептал принц, потирая костяшки пальцев.

Глава 5. О том, как плохо путешествовать на голодный желудок

Старому оружейнику никогда не поступало такого количества заказов от людей королевской крови. Кроме самого Бронзового Лиса даже его отец, Раджи, короля, отдавшего все полномочия управления Айдар сыну, ввиду скверного состояния здоровья.

Кузнец – был человек умный, опытный, и сразу понял, что доспехи и оружие для трех дочерей принца делается не просто для тренировок. Но он предпочел не лезть не в свое дело. К тому же подобное любопытство всегда оканчивается плачевно.

Дочки принца были очень красивы, все разные, по-своему необычные, но при этом они оставались женщинами.

Доспехи должны были сохранить их красоту. А зачем же еще доспехи женщинам?

Воительниц не бывает, все это детские сказки. Мужчина всегда сильнее женщины, какой бы мужественной он ни была. Мэллорн вспомнил, как в юности у них в рыбацкой деревне проводились зрелищные бои для народа, участвовали все, кто хотел. Одна баба, полная, с мускулистыми руками,

с черными волосками над верхней губой вызвала своего мужа – худого мужичка, конюха, уж чем-то он провинился перед ней, думала, проучит его, или еще что.

Толпа бесновалась и кричала, жаждала крови и зрелищ. Но никакого зрелища не случилось. Мужичок испуганно трусился возле разъяренной скачущей женщины и в один момент с размаху угодил ей кулаком в нос. Баба так и рухнула, вопя от боли на землю, содрагаясь всей грузной тушей.

Не бывает женщин воинов... Ну не бывает... Слухи все это. А исключений – сплошные единицы, коих по пальцам пересчитать можно.

Мэллорн разложил приготовленное с вечера снаряжение для дочерей принца и нахмурился. Для одной из сестер полагались лишь два остро заточенных кинжала в легких кожаных ножнах на поясе, который можно легко спрятать под одеждой, и шесть ядов в крохотных пробирках на кожаном ремешке.

Вторая сестра, видимо, это Скатти, постоянно носящаяся с деревянными мечами на тренировку – боевая дама – стальные доспехи, шлем, двуручный меч – комплект весьма тяжелый для обычной женщины.

Третий комплект совсем ввел кузнеца в ступор... У него возникла мысль, что они собираются путешествовать в совсем разные уголки света.

Кинжалы – явно для юга; сталь – всегда для севера; а этот, по ходу, – лес?

Мэллорн бережно протер рукоять длинной сабли и убрал ее в простые ножны, что носят городские стражники Айдар. Сабля, кожаные поножи на заклепках, наручи, что-то вроде жесткого корсета из той же коричневой кожи, легчайшая серебрястая кольчужка – все очень легкое, но прочное, созданное, словно, для лучников или лесных всадников. Оружейник огляделся и добавил к комплекту заранее подготовленный длинный лук из черного дерева, что произрастает только на берегах моря и около сотни тонких стрел. Тут он охнул и понял, что забыл еще два удлиненных кинжала на пояс.

«Теперь точно все. Вроде ничего не забыл, а то было бы неприятно так оплошать перед любезным принцем, который оказался так учтив и добр ко мне. Странно все это», – думал Мэллорн, протирая руки чумазой тряпкой.

«Если женщин отправляют воевать, то значит и конец мира не далек».

– Доброе утро, Мэллорн. – прервал размышления кузнеца серьезный, чуть хриплый женский голос.

В дверях его деревянной лачужки, что стоит на песчаном берегу, нарисовалась высокая девушка с темными прямыми длинными волосами и глазами, что снег на заснеженных вершинах гор. Он прежде никогда не видел третью незаконно-

рожденную дочь Агвареса, и она поразила его совершенным отсутствием какого-либо сходства с отцом.

На ней были штаны из темной оленьей кожи, тонкие, изящной выделки, совсем по фигуре и такая же кожаная рубашка на шнуровке спереди.

«Типичный наряд всадницы в северных землях» – подумал кузнец. Сабля и лук, вероятно, ее стезя... Хотя почему сабля, а не меч? Странно, странно все это...». Он вдруг застеснялся, смущаясь под пристальным взглядом девушки, опустил глаза и принялся складывать снаряжение в походный мешок.

– Нет, подождите! – окликнула его девушка и вдруг засмеялась. – Не нужно. Я одену все прямо сейчас и здесь. Помогите лучше мне одеться. – старик закивал и поднял взор на девушку. Она показалась ему странной для айдарки. – Вы не похожи на южанку, госпожа. Ваша мать, наверное, была нездешней. И красивой, – поспешно добавил он совершенно честно, застегивая поножи на ее ноге. – Возможно, – отозвалась девушка, разглядывая набор ядов на ремешке. – Меня зовут Раннвейг. Во мне и правда есть северные крови... Очень красиво, – она кивнула на длинный лук. Старик обрадовался. – Это для вас. Принц настоял именно на луке и сабле, хотя я бы выбрал бы меч, но... кто я такой, чтобы давать свои указания... И тот колчан со стрелами – тоже ваш. Будьте осторожны: они смазаны смертельным ядом. Хотя,

чего вам бояться. Вас достаточно хорошо обучали в детстве и юности.

«Достаточно...»

Он закончил работу, и доспехи оказались Раннвейг впору, однако он заметил легкую печаль на ее бледном лице, и захотел приободрить девушку. Открыв ящичек стола, он достал еще один ремешок с пробирками ядов зеленого цвета.

– Возьмите. Это подарок принца для вас. Не говорите о нем никому и не показываете. Это не для любопытных глаз, потому что в некоторых землях вас могут убить на месте, если заметят свечение этого яда. Не знаю, куда вы держите путь, но явно не к радушной дальней родне. Не мое это дело, ох, не мое это дело...

Этот яд содержит в себе слюну дракона и сок травы, что растет только в глубоких пещерах Земель Призраков, что в Красных Пустошах. Агварес очень берег этот яд, но я сейчас понимаю, для кого.

Девушки не могут сражаться, как мужчины, но у них есть другое оружие. Одна пробирка на стакан вина – и ваш злейший враг сваливается в кровать с ужасной болезнью, от которой нет лекарства. Три дня его мутит, идет кровь изо рта и носа, внутренности будто разъедает огонь... а потом он будто сгорает заживо изнутри... Если же это применить

к животному, то его внутренности вспыхнут за считанные минуты, а смерть настигнет его в течении часа...

Но, Раннвейг, запомните, это только для ваших *судьбоносных* врагов.

Не стоит разбрасываться этим ценным ядом попусту.

Девушка заметно посветлела в лице и приняла подарок, молча, обняв старика за плечи.

Они вышли на утреннее зарождающееся солнце, и кузнец вывел ей коня, приготовленного Агваресом заранее.

Это была красная, багровая заря, спокойная, будто затаившийся тигр в кустах. Тихое море, будто не колыхалось под дуновением теплого ветра. Старик посматривал на Раннвейг и старался угадать по ее лицу, куда она поедет. Но льдистые глаза девушки не выражали никаких эмоций.

Крупный вороной блестящий конь с мускулистыми ногами рьяно бил копытом песок и вскидывал гривой. Увидев людей, он захрипел, потом заржал и принялся трясти головой вверх-вниз. Мэллорн с опаской подошел к нему и ухватил поводья.

– Сильный конь, боевой, хоть еще и совсем молодой. Несколько раз участвовал в сражениях и походах, что выиграло его молодую кровь! Посмотри, какой высокий, словно черная скала! Главное, не показывай страх, доверься ко-

ню, его настроению. Сложный у него характер, но любил его Бронзовый Лис за что-то уж очень... Давай не бойся, садись, Раннвейг. Возьми лук и саблю, кинжалы не забудь! А то мне потом знатно выскажут, если ты что-то забудешь! Эх, молодые такие беспечные...

Конь одним глазом недовольно покосился на подошедшую девушку, но послушно склонил морду под ее чуть дрогнувшей рукой. Раннвейг вроде казалась уверенной, но щеки ее запылали румянцем; она словно хотела подчинить коня своей воле, настроить его на свою волну, и у нее даже получилось, хоть и не сразу.

Конь попытался куснуть ее за нос. Ее крепкая ладонь заскользила по морде черныша, и конь покорно склонил голову, все еще возбужденно размахивая хвостом. Она легко взмахнула на широкую спину животного, закинула лук назад, надела пояс с кинжалами, и, прикрыв глаза, вдохнула прохладный утренний бриз.

Она казалась старику странной, не такой как все айдар. Внутренне чувство интуиции подсказывало ему, что этот день будет решающим в неких грядущих событиях, которые скажутся на каждом жителе Киритайна, но как примерный и послушный гражданин, он отмахнулся от этих глупых мыслей, боясь гнева господ.

Раннвейг так мало говорила, спрашивала, будто знала все наперед. «Айдарские женщины болтливы и любвеобильны,

как вечно пылающий, непостоянный огонь. А эта – холодный лед, хоть и жаждущий того же пылкого огня, который растопит ее замороженное сердце. Вон, как она нежно гладила строптивного воронка.

Что ж, пусть у нее все будет хорошо».

– Спасибо, Мэллорн! – махнула ему рукой Раннвейг, и, развернув коня на север, поскакала галопом. – Увидимся еще...

– Да будет на то решение милостивых богов, – тихо произнес оружейник, наблюдая, как песок вздымается под копытами и поднимается вверх, заслоняя силуэт лошади и всадницы.

День разгорался все ярче, обнажая непривыкшему глазу выжженную пустыню, режущую глаз своей бесконечностью. Я всегда нелегко переносила жару, но этот полуденный зной вконец доконал меня.

С меня катился пот ручьями, я утирала его ладонями, но берегла воду, что дал мне принц. Кожаные доспехи не были слишком тяжелыми, но в такую погоду, хотелось снять не только доспехи, но и последнюю рубашку.

Конь, не торопясь трусил по тропе, названной Торговой, как говорила мне карта, так как она соединяла все пункты обмена товарами, рынки с юга на север. По пути мне встре-

чались тележки со специями, шкурами, вонючей рыбой, бродячие торговки с тяжелыми тюками за спиной, неторопливо идущие куда-то по своим делам.

Многие удивленно глядели мне вслед, но я не обращала на них внимания.

Я тень, меня не должны запомнить.

Коня я про себя так и называла Чернышом, хотя вся его благородная, породистая стать заслуживала более достойного и возвышенного имени, примерно, как у средневековых рыцарей.

Изумительно, но я будто знала, как вести коня, он повиновался любому движению, словно чувствовал, куда я хочу ехать. Это было похоже на магию, но все же я спустила этот факт на то, что дьявол, что бросил меня здесь, позаботился о некоторых совершенно необходимых для выживания вещах.

Отпустив поводья, я облегченно вздохнула, похлопав коня по шее. Он недовольно фыркнул, но продолжил свой неспешный шаг. Я все вспоминала географические объекты Киритайна, о которых вещал принц, и память меня не подводила, когда я сверялась с потрепанной картой, которая открывала для меня иной, чужой мир, совершенно непохожий на мой... Это была так странно, так чужаковато, ведь, по сути, мой мир не существовал и вовсе. Здесь никто обо мне не знает и не догадывается о проблемах, с которыми я внезапно столкнулась.

Никто...

Мимо пролетали мелкие деревушки уж совсем находившиеся на грани нищеты и бедности, промышляющие уловом рыбы в море, сморщенные старики, чумазные дети, босиком скачущие по обжигающему песку. Один худой загорелый мальчик вприпрыжку засеменил за мной, пытаюсь погладить лошадь по морде, и я отчасти растерялась. Как здесь нужно реагировать? Прикрикнуть? Ехать дальше? Пуститься галопом? Но мой Черныш оказался умным зверем: он сделал в сторону мальчика кусательное движение, и тот, вскрикнув, бросился наутек. Мы говорим словно на одном языке с этим незнакомым мне зверем... И это учитывая, что я всегда была с лошадьми на вы, но этот... этот был чудесен, будто создан специально для меня. Вся эта не моя жизнь начала мне потихоньку нравится, несмотря на жажду и зной.

Сказка ли? Быть может, это и есть рай? Я умерла и попала в свой собственный рай, свое Средиземье, которое я заслужила?

Снова и снова сверяюсь с картой, боясь свернуть не туда.

Отлично. Все идет пучком! К вечеру я должна покинуть границы Айдара, если потороплюсь. Там, в разломе горного хребта есть некий Стылый приют, чье название мне не внушает доверия, но раз приют, щначит там можно поспать и поесть. Это что-то вроде рабочей деревеньки с трактиром и го-

стиницей. Если повезет – переночую там. Заодно поищу добрых людей, которые могут мне посоветовать, какой дорогой ехать дальше. Принц говорил, что мир не без добрых людей, надеюсь его жизненный опыт побольше моего. Главное – нечаянно не взять слишком влево и не угодить в близ Дола Тысячи Лезвий, где, по словам принца, так и кишат головорезы и наемники Медвежьего Короля.

Пекло нещадно. Я пожалела, что не взяла никакой легкой одежды, хотя бы той небесно-голубой туники, хоть мне и запретили снимать доспехи, во что бы то ни стало. Все эти люди, дома, вроде бы ничего страшного и опасного; здесь не было воинов, разбойников, только мирные торговцы и рыбаки... однако, я всегда старалась была начеку. В истории и в фильмах чаще всего страдали те, кто беспечно развешивал уши и наслаждался безобидным солнышком, забывая о бдительности. Больше всего я боялась увидеть изображение гиены.

Но все спокойно. Мирная обыденная жизнь южных высепок неподалеку от морского побережья.

Так прошел день, который я провела в любопытных разглядываниях каждого кустика и старика с сеткой рыбы на плечах. От напряжения у меня чуть разболелась голова, и заслезились глаза. Я начинала сильно уставать и терять координацию, хотя, казалось бы сидела сиднем. Черныш, уве-

ренно ступал по тонкому слою песка, иногда косясь одними темными глазами на меня, будто говоря: «А что, ты не знаешь дорогу? А я все знаю, я же конь, не то, что ты».

Близился вечер. Мой зад, кажется, окаменел от длительной неподвижности. Как же трудно ехать на лошади...! То же самое, что после длительного зимнего сезона садишься на велосипед, часами гоняешь по улицам, бешено крутя педали и задыхаясь от долгожданного чувства езды, а потом неделю ходишь как больной кузнечик, корчась от боли в бедрах.

Стоит размяться.

Спрыгнув с высокого коня, я все же решила и повела его под уздцы, и он заворчал мне в ухо, утыкаясь теплыми ноздрями в плечо.

Дорога опустела, море давно исчезло на западе, редкие кустарники кололи мне ноги. Впереди я смутно различала желтовато-серые невысокие горы, видимо разделяющие Айдар на юге, Дол Тысячи Лезвий на западе и неизвестные мне пока земли на севере, которые я должна буду преодолеть, прежде чем доберусь до Торвальда. Стылый приют должен быть хорошо укреплен, ведь это, по сути, сторожевая башня Айдар на перепутье.

Стылый приют для – всех; последний приют – для меня.

Ноги гудели пуше прежнего; все мои мечты были устремлены к постели и теплomu ужину. Я уже давно забыла о принце, своей смерти и миссии... В голове вертелась яркая картинка огромной миски с пшенной кашей и сочной куриной ножкой, а на десерт сладкий творог с вареньем... Или, что угодно калорийное и сочное!

Я поняла, что голодный человек, каким бы смелым и упорным он ни был – ничто, если в его желудке урчат киты.

Об этом в книгах не пишут. «Он блуждал по пустыне тридцать дней и три года, набираясь опыта древних мистиков, мастеров меча...» А жрал он что? Сухие кактусы? Пил собственную мочу? Первичные потребности человека оказались сильнее моих обязанностей... Но я не смогу выполнять свою задачу, если не поем! Как все это глупо! Просто упаду и умру в этих бесконечных песках.

Обязанности... Будто брачный контракт заключали! Прощай, храбрая Раннвейг! Принц Агварес «Бронзовый Лис», единственный законный правитель Айдар, повелитель песков и сабель, революционер и миротворческий деятель верил в тебя, отдал полжизни разработке секретного плана, а ты растянулась, как полудохлая отощавшая кобра на песке в ожидании смерти, не достигнув первого перевалочного пункта.

Мне почему-то стало смешно, когда я представила худую кобру... Занавес, все несчастливы! Смешно то смешно.

А в животе бурлит.

Невозможно путешествовать на голодный желудок...

Перешеек через горы был удобен для преодоления даже с лошастью. В горах быстро темнеет, но взошедшая луна на чистом небе освещала мне каменистую, пыльную дорогу.

«Никому не доверяй... пей вино, кто знает, что будет завтра... тебе придется делать многое, что противоречит твоим взглядам... помни, кто твой настоящий враг... сохранить все в памяти, постоянно повторять... это отчасти и молитва и напоминание... в этом краю сложно быть самой собою.

Уже совсем стемнело... а вдруг на меня нападут, убьют и ограбят? Что я должна делать? Никто не учил меня владеть кинжалами...»

Повезло, что в школе я ходила на кружок по стрельбе из лука... но здесь... здесь все по настоящему, реально; я могу умереть от обезвоживания и стрелы налетчика, шпиона...» Я взглянула на Черныша, но его черные глаза были спокойны и умиротворенны.

Зверь знает лучше.

Втянув носом холодеющий ночной воздух, я усиленно вперилась во тьму, и кажется, стала различать едва заметные огоньки. «Надеюсь, это Стылый приют. Сколько я уже иду

без отдыха? Осторожно Раннвейг, без фокусов. Пока ты еще айдар. Играть роль рановато. Правда, Черныш? Какая из меня актриса? Точно не такая прекрасная, как Крис...

Последняя мысль немного ввергла меня в уныние.

Конь громко засопел, прижимаясь ко мне гладкой бархатистой мордой.

Но тут откуда-то издалека на меня пахнуло ароматом трав, табака и чего-то древесного. Я потянула поводья назад и остановилась. Кругом виднелись очертания больших валунов, камней, редкие лиственные деревья, смежались колючками. Пейзаж постепенно сменялся более привычным моему глазу...

Что-то тут не так.

– Тихо, Черныш, – шепотом скомандовала я коню, и тот попятился назад, прижав уши, как заправский служебный пес, разлицающий команды дрессировщика. Другой рукой я медленно вытасила саблю из ножен, ощущая ее тяжесть и некую силу, опасную и смертоносную, которая немного сбила меня с катушек.

«Буду сразу резать горло» – кровожадно подумала я и сама испугалась этой мысли. За песчаным валуном показалось какое-то движение, и на меня внезапно и уверенно вышли... два человека. В руках они держали обнаженные ятаганы,

такие кривые изогнутые мечи, я видела такие в исторических фильмах, но на монголов они явно не походили. Сквозь кольчугу, надетую на голое тело, я чувствовала, как у меня колотится сердце, грозясь выскочить из груди и своим шумом показать противникам мой страх.

– Стой! Куда идешь и откуда? – закричал один из них, наступая на меня. Я чуть пятилась назад, но все равно была готова напасть, при малейшем его неверном движении. В темноте его глаза светились белым. Они были одеты в простые рубахи и штаны, без доспехов и шлемов, однако мощные очертания их рук выдавали в них отнюдь не рыбаков.

– Меня зовут Раннвейг. Я внебрачная дочь принца Агвареса Айдарского. По его приказу держу путь на север. Где-то здесь должен быть Стылый приют. Я хотела бы переночевать там, – я обвела их суровым взглядом, на который только была способна, хотя не думаю, что в таком мраке, они это заметили. – Только двинетесь в мою сторону – я раню вас своей саблей, отравленной смертельным ядом. Малейший порез, и вы уже мертвецы! – я быстро и ловко сделала выпад в их сторону, и они чуть отошли назад, убирая клинки. Переглянувшись, они кивнули, и один выступил с улыбкой, еле различимой во тьме.

– Принцесса Раннвейг, – оба почтительно склонили свои

сальные головы. – Приносим свои извинения за ошибку, но, поймите и вы нас: мы должны знать, кто проезжает в наш Стылый приют. Особенно, если это чистокровная айдар. Стылый приют ближе, чем вы думаете, – они разомкнулись, и за их спинами я увидела нечто вроде двухэтажного трактира-гостиницы, с постоянным двором и конюшней. На отсыревшем сене возле поилки для лошадей лежал пьяница с опухшим лицом и кричал что-то в небо, грозя кулаком...

«Как, как я не заметила? А если бы у меня под носом своровали коня? Глупая ты женщина, как же стыдно»!

– Добро пожаловать в Стылый приют, принцесса Раннвейг!

– Стойте, – меня вдруг осенило. – Могу я попросить вас, чтобы никто не узнал, что я дочь Агвареса? Прошу вас... Это очень важно...

Пухлая хозяйка трактира стояла за деревянной стойкой и скучающе глядела на малочисленных едоков за столиками. Подле нее с кружкой эля заседал пожилой межевой рыцарь в потрепанных доспехах и сальными седыми волосами, вьющимися до плеч. Вперившись в золотисто-медную жидкость, он обратился к хозяйке:

– Как думаешь, дорогуша, чем все это закончится?

Женщина положила свои обвисшие, но еще надутые груди на стойку и с поддельным интересом уставилась на старика. Старик отметил про себя, что она похожа на помесь жирной курицы и свирепой гарпии. Но все, же больше на курицу...

– Мне-то почему знать? Я трактирщица и забочусь только о достатке и комфорте прихожан. Ты вон, рыцарь вроде, сам должен ответить мне. Старый хрыч... Нацепил железки, думает, что он воин. Лучше за эль заплати. Уж слишком долго сидишь.

– Я не обижаюсь на тебя, добрая дородная женщина, – рыцарь улыбнулся и выпрямил все еще мускулистую, широкую спину. – Мужа небось нет, вот и пускаешь слюни на того малолетнего слюнтяя с лютней. Он-то не заплатил за свиную ножку, да?

Трактирщица дернулась, и на ее рыхлом лице проступил румянец. Она поджала губы и принялась протирать пыльную поверхность стойки, да так рьяно, что старик чуть было не рассмеялся. Достав трубку, он набил ее свежим табаком и затянулся.

Женщина налила ему еще эля и ее суровое гарпической лицо смягчилось.

– За счет заведения, рыцарь. Мужчины слабы. Напрялят доспехи и кичатся своей напускной силой. А как проявить себя в словесном поединке с женщиной – так все, сдуваетесь. Нету настоящих мужчин, бабы куда выносливее пошли...

– А ты не пробовала бороться с ними не словами, а... – он кивнул на ее бесконечное декольте. Трактирщица заулыбалась.

– Поздно мне уже этим завоевывать мужчин. Женщина хочет быть слабой и зависимой. Но хрен ты найди такого храбреца, с которым можно расслабиться и не бояться за свое... эмм... достоинство и гордость. Мои дочери ушли в армию принца айдарского, так как не могли найти защиту у мужей, что посягались на их руку. Они боятся... просто боятся, дурак ты старый! А айдар заботятся о своих войнах, как о диких цветах. – ...И отпускают их воевать наравне с мужчинами... – закончил за нее рыцарь и прищелкнул языком. – Хороший принц, ничего не скажешь. – пухлогрудая женщина усмехнулась.

– А что вы можете нам предложить? Любовь? Не смей меня, старик. Каждый брак – это расчет. Женщины несчастны в нем. Родители выдают нас за нелюбимых, нелюбимые нам изменяют, обижают, не ценят. Мы рожаем детей и пытаемся найти утешение в них, и жизнь становится легче...

Но холодными вечерами ты садишься за пряжу или вышивание, смотришь на играющих малышей и видишь в их лицах насмешки, черты его.... Того, кто сделал твою жизнь адом. И выхода нет...

– Подожди, подожди, вот понеслась ныть, курица ты ока-
янная! Слышал бы тебя тот парнишка с лютней! – старый ры-
царь охмелел и засмеялся, но реплика его затронула. Трак-
тирщица горько улыбнулась и налила себе воды из кувши-
на. – А вы не пробовали полюбить этого человека? Быть мо-
жет он и вас полюбил бы тогда.

– Слишком поздно, старый ты дурак, – спокойно отозва-
лась женщина, глядя, как открылась дверь «Стылого прию-
та». Моего мужа давно забрал Бог Соленого моря Сирион.
А лучше бы забрали демоны! И я счастлива, что так рано.
Хочешь слышать о любви? Поинтересуйся лучше у той при-
хожанки с луком, что она думает о пресловутой любви. Она
куда моложе меня.

Обои, они повернули шеи на Раннвейг, уверенно направ-
лявшуюся к ним. «Не местная», – понял рыцарь по сна-
ряжению, предназначенному для охотников и лесных вои-
нов. «Не замужем» – мелькнула догадка у толстой женщи-
ны. «Или северянка с мужем-тираном. Иначе, зачем ей до-
спехи...»

Девушка несмело окинула взглядом трактир из-под опущенных ресниц, утерла пот со лба, подошла к стойке и устало опустилась, внезапно потеряв интерес к этому месту.

– Я могу поесть у вас? Так хочу есть, наверное, съела бы волка. Даже двух. И еще воды, или чай, что вы тут подаете?

Женщина нахмуренно оглядела весь ее поникший облик, заметила пыльную обувь, мешки под глазами и вроде немного оттаяла. Все бабы завидуют друг другу, и нет сильнее зависти женщины старшей красоте и молодости младшей.

Но потухшие глаза пухлогрудой трактирщицы мягко заблестели. Быть может, она увидела в ней свою дочь или себя в молодости, сам черт не разобрал бы, но она, молча, скрылась на кухне и в ту же секунду принесла ей горшочек густой дымящейся картофельной похлебки, баранину с фасолью и большой кувшин компота. Усталая девушка заметно повеселела и, поблагодарив хозяйку, принялась живо уминать еду, будто не ела неделю. Старик-рыцарь усмехнулся, не скрывая любопытных глаз. Он переглянулся с хозяйкой и губы его растянулись в полуулыбке.

– Что за обед, милочка, без бокала вина или эля? Или ты все еще малый ребенок? Нацепила доспехи и вступила в ряды трезвенников? Женщины любят вино, ибо оно вызыва-

ет за собой чудные события, коими многие дамы похвастать на трезвую голову не могут. Ты кушай, я не обижу тебя. Уж слишком я стар, – старик приложился к стакану и, крякнув, вытер губы рукой. Девушка скорчила недовольную гримасу и снова накинулась на похлебку. Лицо ее добрело с каждой минутой и, выпив темно вишневый компот, она откинулась на спинку стула, тяжело дыша и поглядывая на толстую хозяйку.

– И что же за чудные события грядут после вина? – чуть хриплым голосом спросила она.

– Ты точно как малое дитя. Сколько тебе? И как тебя звать? Это точно стальной кинжал? Или ты везешь его в подарок племяннику. Вино пробуждает чувства, мысли, очищает разум. Ты сразу расставляешь приоритеты по тем местам, которые требует твоя душа, а не правила. Вино – это душа, это звук, идущий из самого сердца. Поэтому не стоит разделять принятие вина с теми, с кем ты не готов делиться звуками сердца.

«Пей вино, не думай о завтрашнем дне...»

Раннвейг ничего не ответила – ее рот был занят бараниной. Тут вмешалась хозяйка:

– Не пей, деточка, ты молода, а вино вызывает привыка-

ние. Ты уйдешь в мир грез и фантазий, как только приотрастишься к красному... Оттуда не возвращаются... Многие мои знакомые и подружки сгинули во тьме, забываясь в этом напитке. Все хорошо в меру.

Стойка чуть пошатнулась. Дева вздрогнула и украдкой покосилась на своих собеседников.

– Боюсь, мне придется, – вздохнула она. – Иногда стоит выпить, чтобы не обидеть человека или выразить ему свое почтение.

Старик радостно подхватил эту мысль.

– Правильно говоришь, чужестранка! Обрадуй же старого рыцаря, выпей с ним за павших товарищей и за нового короля! – он взмахнул столовым ножом, напугав пухлогрудую. «Старый черт», – пробормотала она, вытирая стойку. Но девушка как-то отрешенно посмотрела на пожилого воина своими льдистыми глазами и произнесла:

– Вы хороший человек... Наверное... От вас мне ничего не нужно. Но знаете... Мне придется пить с врагами, сохраняя при этом ясность ума. Это нелегкое дело, ведь тогда, как вы говорите, я разболтаю все свои фантазии и сокровенные тайны. — Дева со звоном опустила пустой кувшин. – А их

у меня немало.

– Все девушки хотят прослыть таинственными и загадочными, – сказала пухлогрудая. – Но женщины совершают ошибки, когда открывают их другим. – Девушка улыбнулась. – Я могу наговорить вам любой ерунды, и вы мне поверите. Но если я выпью вина и расскажу вам то же самое – вы усомнитесь в ее правдивости.

Это отличное оружие, им надо пользоваться.

– Я запутался, – ответил старик. – Все бабы говорят на другом языке, понятном только им самим. Ты главное, милочка, не забывай, где жизнь, а где фантазии. Вдруг сорвешься и тебя раскусят. Тогда, чего доброго, повесят, распнут или упаси боги, выворотят суставы. У тебя вроде хорошие, красивые колени. – Раннвейг передернулась. Ей вдруг показалось, что все знают о ней. Надо было сменить тему. – А за какого еще нового короля вы хотели выпить? Чем вас старый не устраивает?

«Только какой король? Или королева?»

– За будущего короля. Король – тот, кто любит свой народ. А этот любит только себя, наряды и поездки на охоту. Агварес хорош, но, увы, богат. Это сказывается на его образе жизни и отношении к бедным жителям Айдар! Я всегда буду пить только за будущего нового короля, ибо меня тешит

надежда, что будет лучше прежнего...

– Как глупо, – задумчиво отрезала Раннвейг. Старик в гневе стукнул кулаком по столу, что все в трактире вздрогнули. Хозяйка торопливо подняла с пола упавшие деревянные ложки. Повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь сдавленным чавканьем едоков. Синеватая жилка на лбу рыцаря запульсировала, что свидетельствовало о явном неудовольствии.

– Будь ты мужем – я бы пощекотал тебе горло кинжалом. – насуплено произнес старый обиженный рыцарь, отворачиваясь к кувшину с вином. – Женщины пошли сейчас шибко умные: то ли власти захотели, то ли славы... Раньше такого не было...

– Женщины и сейчас идут в обмен на мешок золота или пару десятков коров, – прервала его Раннвейг. Ее ноздри чуть раздулись от негодования, но она дышала спокойно. – Расскажи лучше мне, всемудрый доблестный человек, что сейчас происходит на Севере? Быть может, я отсыплю тебе пару медяков на вино и ужин, если удовлетворишь меня ответом.

Снова повисло напряженное молчание, и толстая хозяйка поспешила на кухню, проверять, готов ли пирог для новых

постояльцев – уставших плотников из соседней дереvушки у моря, пропахших солью и потом.

Рыцарь в железных доспехах угрюмо молчал, глядя куда-то в пустоту, будто и позабыл, где он и с кем. Казалось, что в его седой голове роился целый ворох назойливых, не совсем приятных мыслей.

Раннвейг вздохнула, чувствуя песок в глазах, и допив компот, встала из-за стойки, оправляя застешки на кожаных наручах. «Нет, так нет. Пойду спать. Иначе провались оно все. Как же я объелась»... Нижняя губа старика чуть дрогнула, и он небрежно бросил вслед девушке:

– Воевать – не женское дело, голубка. Север жесток для хорошеньких пташек. Одна ты не справишься с этим миром войн и распрей, насилия и издевательств. Найди себе друзей, пусть даже среди врагов. Поучись хитрости, природа дает нам многое, но мы не прислушиваемся к ней.

Найди себе защиту... защитника... неважно... любовь или нет. Гораздо лучше ведь быть живой, чем гнить в земле, верно? Мужики не ценят красоты, что их окружает. Сорвать прекрасный цветок, смять его лепестки и втоптать в уличную грязь – вот, что ждет тебя, если ты не станешь такой, как лисица или волк, а лучше – опасная волчица... И поменьше подтруниваний и едких шуток. У северян плохое чувство юмора. Эта жирная лошадь Эрика отбила им своим молотом

все мозги... Но ты видно, не северянка... – с надеждой осведомился как бы невзначай старик.

Сжатые губы Раннвейг тронула горькая улыбка. Она немного помешкала, поглядывая по сторонам, и тихо сунула в ладонь старика мешочек с золотом.

Это было все ее золото.

Глава 6. Кеннет

Над высокими каменными шпилями, тянущимися ввысь, к серому, грязному небу веселые и щебечущие птицы давно не кружат; вороны, поселившиеся здесь много сотен лет назад, склевывают заблудших пташек и выют гнезда над стрельчатыми окнами, подальше от человеческих глаз. Промозглый осенний ветер сбивает с толку не только людей, но и животных. На прогнившей бурой траве покоится первый снег, еще совсем робко покрывающий листву и замерзшую истерзанную землю.

Истерзанную войнами и обогренную бесконечными потоками крови и слез.

Чистый снег, девственно-прозрачный иней по утрам скрывает истинную страшную правду этих суровых мест, где много лет не было слышно пения птиц. Только хриплое карканье отощавших ворон. Из-за тяжелых каменных ворот, отлично укрепленного замка, доносились пронзительные, невыносимые женские крики и вопли, а после предсмертные хрипы, сменяющиеся всхлипываниями и оглушительными стонами, распугивающие пушистых рыжих бельчат на сосне. Складывалось впечатление, что дюжину женщин пытали раскаленным железом или выворачивали им суставы.

Но тут все разом затихло. Где-то вдали жалобно завыл

волк. Нарушенная тишина вновь приобрела забытый покой, и легкие снежинки будто застыли в воздухе, тихо опускаясь на землю безжалостных северных владык.

На стоптанной тропинке едва различались чьи-то широкие следы.

К каменным воротам направлялся человек в плаще с капюшоном из лисьего меха. Он брел устало, натываясь на корни деревьев, безразлично оглядывая мрачные башни и солидные укрепления столицы северного города. За ним тянулась тонкая струйка темно-багровой крови, которая нарушала живописный пейзаж осеннего леса, подернутого легким снежным покрывалом.

Розоватая утренняя заря только вступала в свои права, сменяя густые ночные сумерки.

Человек, шатаясь, кулаком постучал по заледенелым воротам, пытаясь своим дыханием согреть окоченевшие руки. Сзади него поднималась метель, вздымая давно опавшие мокрые листья, вперемешку со снегом. Словно крадущийся дикий зверь, приближалась она к человеку, то замедляя, то ускоряя свой путь над землей. Раздался скрипучий шорох, и тяжелые ворота, застонав, нехотя отворились.

Человека в лисьем плаще под охраной стражников-мечников, похожих больше на чумазных шакалов, питающихся

человечиной, провели в зал приемов.

Тронным залом назвать это холодное темное помещение с грубо сколотой мебелью и развешанными повсюду гербами с изображением черной летучей мыши на алом фоне, не поворачивался язык. В узкие стрельчатые окна едва проникал дневной свет, освещая пыльные столовые приборы на столе и кости, оставшиеся после некоего животного, уже покрытые склизкой паутиной.

Кругом ошивались вонючие гвардейцы, все как на подбор, здоровенные и неуклюжие, однако с тяжеленными кулаками, бесстыдно оглядывающие посетителя с ног до головы. Где-то раздался смешок по поводу его рыжей бороды, но человек молча шагал вперед.

Тусклый утренний свет падал на силуэт женщины, сидевшей на деревянном троне, с вырезанной на спинке летучей мышью. Ее грузное, но мускулистое тело, прикрытое стальными плечами, дублетом и большими сапогами с железными вставками на носках, видимо вселяло страх не только в гостя, но и в ее подчиненных солдат. В ее полных руках блеснул кинжал, которым она выковыривала грязь из-под ногтей. Вальяжная поза явно свидетельствовала о ее уверенности в себе. Она едва шевельнула головой молодому слуге в лохмотьях из кроличьих шкур, и он босой, мигом поднес ей флягу с какой-то жидкостью, источающей убийственный пряный запах. Она сделала три крупных глотка, утерла багровой ладонью, похожей лопату тонкие сухие губы, и рас-

кинувшись на троне, надменно взглянула на таинственного пришельца. Человеку показалось, что она только сейчас заметила его.

Почтительно склонив перед ней голову, он поприветствовал ее и откинул капюшон, обнажая чуть волнистые рыжие волосы, такую же полудлинную «козью» бородку, и лицо, испещренное ранними морщинками и высушенное зимними ветрами. Тонкие черты лица, ярко-голубые, глубоко посаженные глаза – его можно было назвать красавцем, или простым дровосеком, если бы не малость худощавое телосложение. Грузная дама удостоила его довольно заинтересованным взглядом, примерно таким, как львица глядит на бьющееся тело оленя в предсмертных конвульсиях, прежде чем приступить к долгожданной трапезе.

«Слава об этой свирепой женщине шагает впереди нее... Как бы я хотел узнать правду ее бегства...», – думал человек в лисьем плаще. – «Все мужчины в городе превращаются в дрожащих зайцев, как только она пройдет мимо, скидывая тонкими сальными волосами цвета выжженной соломы и глядя своими узкими водянисто-серыми глазами щелочками. Ее преданные воины готовы принести ей головы всех женщин мира, дабы не попасть под ее плохое настроение... И самое страшное, что у этой уродины двое детей»...

«И она единственная и настоящая королева Севера и Заснеженных высот, самостоятельно покинувшая трон Острова Копий – землю, на которой ее предки правили долгие тысячелетия...»

– Приветствую вас, миледи. Сегодня вы особенно чудесно выглядите, – начал человек и тут же запнулся, услышав неодобрительный гул. Он огляделся и понял, что несколько оплошал уже в первые секунды знакомства. Северная Королева захохотала густым басом, прося слугу заполнить флягу еще раз. Человек мягко говоря, был не готов увидеть женщину именно такой – имеющей власть и обладающей огромной силой. В Дагфинне она редко покидала пределы дворца.

– Обращайся ко мне, Ваше Высочество или моя Королева, если пришел служить мне, рыжий щенок. Таким как ты, я щелкаю черепа как орехи. Что-то в последнее время я крайне заскучала, что аж тошно. А я давно не испытывала веселья: все только угождают, подлизываются, аж придраться не к чему, да слабаки? – она обратилась к стражникам и двум угрюмым высоким советникам в черных одеждах, стоящих позади нее, словно старые коршуны, потерявшие интерес к охоте и жизни. Они послушно закивали, опуская темные лица в пол.

«Что она делала с ними? Как женщина может добиться такого беспрекословного послушания к себе? Это... суще-

ство... есть ли в ней зачатки женственности?» – все размышлял человек, так и не сумевший осознать власть той, рядом с кем он находится.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, о великая Королева Севера и Заснеженных высот. Мое имя – Кеннет. Там, откуда я родом – это значит Рожденный в огне, искусно выкованный... Я пришел, чтобы служить вам своим мечом и луком. Моя родина – Остров Копий, что в Студеном море, много миль на север отсюда. Вы знаете, где это... вы все это знаете, ведь вы были там Королевой до тех пор как... кхм... ну в общем вот... Так прозвали его мои предки из-за обилия сосновых деревьев, высящихся к самому небу, разящих облака своими пиками...

– Оо, дорогой мой рыжебородый Кеннет, поменьше исторических фактов и больше информации о себе, – устало перебила его Северная Королева, поглаживая рукоять короткого кинжала и сдувая с лезвия кусочки ногтевой грязи. – Чем ты мне полезен? У меня столько мужчин воинов, что я могу при желании захватить все части света Киритайна. Что нового можешь мне дать ты, кроме своего меча и лука? Быть может, какое-то новое знание... Рецепт вина или эля, пирога с кабаном, нового смертельного яда или информацию о других королях и их планах... – она с наслаждением рыгнула, поглаживая себя по животу и с любопытством уставившись на Кеннета.

лась на Кеннета, буравя его маленькими свинячьими глазками.

– Торвальд... – заметно нервничая, начал рыжебородый Кеннет, поглядывая на одного вонючего стражника, который свирепо улыбался, обнажая желтые зубы с застрявшим в них рыбьим плавником. – ...Торвальд всегда был величайшей северной столицей. Я проделал долгий путь через леса и горы, моя лошадь была растерзана волками на полпути отсюда. А меня на подходе к Торвальду поцарапал стрелой ваш разведчик. Надеюсь, что это он случайно, ведь я не ваш враг, я из вашей родины, моя Королева... Дома у меня никого не осталось... Остров Копий погряз в снегах и ветрах, отбивающих разум и леденящих кровь. Молодые ушли, кто, куда в поисках лучшей жизни, в более теплые места. После того, что случилось за последний год... Ну вы знаете... вы все знаете, кому я рассказываю... в том не ваша, не ваша вина! А старики... – тут он умолк.

Женщина пусто глядела на него, хотя быть может, она и не умеет по-другому. Кеннет преклонил перед Королевой колени, чуть охнув. Струйка крови, что следовала за ним, образовала приличную лужу крови под ним. Маленький рот Королевы приоткрылся, а взгляд заморожено остановился на алой жидкости. За узким окном раздался пронзительный собачий вой, за которым последовал жалобный писк, видимо той же собаки, которую пытались заткнуть пинком ноги

под зад.

– Великая Королева Эрика, хранительница Севера и Заснеженных высот, позвольте мне служить вам верой и до конца дней своих, пока смерть в огне не разлучит меня со своим долгом. Мне неважны причины, по которым вы оставили трон Дагфинна, перебравшись на Север и захватив в плен... эмммм... ну вы сами знаете, кого... Вы мудрая женщина, и у вас были на это веские причины, я уверен! Впрочем, хватит мне болтать лишнего, простите, моя Королева...

Я отдаю вам мой меч, выкованный моим любимым прадедом, повидавшим много битв, что выпадали на долю нашего острова. Он очень ценный, и по завещанию, я обязан передавать его по наследству моим детям... К сожалению, я не планирую наследников, пока эту страну терзают распри и кровавые войны. Может он пригодится вам, чтобы вершить справедливость? Позвольте мне остаться в Торвальде и защищать его до последнего вздоха! Я хочу стать одним из вас, хочу защищать Север ценой своей жизни, ведь мне больше нечего терять, а я так люблю Север!

Эрика привстала на троне, принимая меч в искусно раскрашенных ножнах: серо-голубые воды катят свои волны по мелким речушкам Острова Копий, а над ними сияет ярко-оранжевое солнце. Ножны были старые и видавшие виды, на обмотанной кожей рукояти запеклась ничем не смы-

ваемая кровь. Чуть вытащим меч, она обнаружила, что он немного мягко сиял нежным голубоватым цветом.

Кеннету показалось, что подарок ей более чем понравился. Круглое лицо ее порозовело, как у молодого поросенка, а глаза, кажется, даже заблестали. Она вынула меч, и повертев его руке, сказала:

– Много я повидала таких щенков, как ты. Все приходят и просят у меня денег, крышу, работу и кружку эля. Ведь за хорошую службу я плачу золотом и родовыми поместьями. Тем более ты пришел из далекого Острова Копий... моей родины, пхехе... родины... мда... из которой я, якобы, сбежала... ну что ж... Такова моя щедрая душа...

«Широкая уж скорее...» – думал Кеннет, морщась от приступа боли в колене. «Как же я хочу сесть!»

– ...Но ты, рыжая шавка, бесстыдно пришедшая канючить о милости, не готовая предоставить мне нечто дорогое и нужное моему городу, кроме несчастного дедушкиного меча, пропахшего старостью и пылью, что осталась от твоего трусливого народа! Не моего народа, Кеннет... Не моего! Не стоит тыкать меня носом туда, откуда я ушла. Видимо, на то были причины, дорогой? Жители сбежали на материк не из-за холодов, дурачок... Они побоялись демона, Кеннет, демона, обычного демона, который проявил свое присут-

ствие слишком явно, напугав несчастных и трусливых старожиллов! Но эта история не закончена... – Эрика рассмеялась, и стала похожа на гигантскую лошадь с сантиметровым промежутком между передними верхними зубами. Она резко поднялась на широченных ногах, похожих на столбы и шагнула со ступеньки, ведущей к трону, нависая над кровоточащим человеком в лисьей шкуре. Ей явно польстило такое унижение, и ее рот исказила ухмылка.

Кеннет на секунду напрягся, ошеломленно рассматривая огромную тушу женщины, если ЭТО можно было назвать так. Она бы раздавила его своим железным сапогом, если бы захотела, стерла в пыль ударом своего кулака... Это... это... чудовище... поработило весь Север, бывший когда-то благодатным и свободным краем охотников, дровосеков и рыбаков. «А я... я жалкий червяк, нуждающийся в крове и защите, деньгах, пришел просить милостыню у чудовища! А мог бы освободить несчастных жителей... не сразу, конечно... и не в одиночку. Все эти варвары, которые только ждут приказы чудовища убивать, насиловать и грабить... Все это обман, просто обман, направленный на получение денег, золота, власти и собственного удовлетворения...! Но куда я мог еще пойти?»

– Кеннет, – ласково окликнула его Королева Эрика, внезапно улыбаясь во весь рот. – Мне нравится твой дедушкин

радушный подарок, и я все же приняла решение. Мои советники не возражают, ведь так? – она обратилась к высоким фигурам в черных капюшонах, скрывающих их лица. Те еле заметно кивнули, и вдруг Кеннет почувствовал, как по спине его пробегает легкий холодок, хотя он уже успел согреться.

– Рожденный в огне, с Острова Копий, моей родины, как ты любезно заметил; ты будешь служить мне верой и правдой, как хотел. Я милостива и добросердечна сегодня.

Кеннет просиял, натужно пытаясь перетерпеть ноющую боль.

«Как же я хочу сесть; прекратить, прекратить эту боль...»

Он немного сморщился, опуская голову, чтобы не смущать Эрику своим выражением лица, но это не уберегло его.

В эту секунду его лохматая рыжая голова молниеносно и с гулким свистом голодной стали была разрублена пополам тяжелым дедушкиным мечом, гулко погрузившимся в череп Рожденного в огне.

Он даже не успел вскрикнуть, как и, наверное, вообще, понять, что произошло в этот миг, когда он решил опустить голову. Нелепо повалившись набок и широко раскрыв ярко-голубые глаза в чернеющую пустоту, Кеннет, Рожденный в огне, был уже далеко отсюда.

Одна половинка головы застыло глядела в угол холодной залы, а вторая точно вверх, остекленело, на лицо своего убийцы. В зале прошелся смешок и едва слышные вздохи

серых советников.

Вытерев рукавом кровь с лезвия, Эрика тяжело задышала и попросила себе вина, и, утерев пот с жирного лба, произнесла:

– Уж лучше бы ты принес рецепт пирога с кабанятиной. Может бы остался бы жив... И не упоминал бы про родину... Гм. Какие же все же мужики болтливые пошли, ну почти, как бабы! Что ж, впредь, будет умнее, верно? Ха-ха-ха! – ее веселье поддержали гвардейцы у входа и прислуга. – Как же хочется кабанятины! Линнард, неси наконец мой ужин, я чертовски голодна! После таких переживаний и незваных гостей у меня жутко сводит живот от голода!

Глава 7. Стальная дева

Скатти остановила коня у бегущего ручейка, скрывающегося в высокой траве, и дала ему вдоволь напиться, пристально изучая окрестности.

Редколесье, окружающее ее уже два дня, сменилось хвойным перелеском, уводящим путника все дальше в темные чащобы ельника. Где-то на верхушках многолетних сосен истерично заверещала сорока, всполохнув всех мелких пташек, гроздьями сидящих на толстых ветках.

Старшая родная дочь принца Агвареса не была копией Бронзового Лиса. Ни повадками, ни изяществом и ловкостью, ни даже чертами лица. Рожденная от нелюбимой жены, уже немолодой принцессы Дола тысячи Лезвий, наследницы Лауритса, что стоит на одиноком западном полуострове Киритайна, омываемый Серебряным морем, не была любимицей отца.

Суровая каменистая местность кишела не менее суровыми жителями. Воины Тысячи Лезвий славились своей неутолимой кровожадностью, черным сарказмом и любовью к публичным казням; часто их рекрутировали с далекого Стального Острова, над которым не сияет солнце. Наемники, убийцы, жаждущие наживы, крови и похоти, продавались на службу Медвежьему королю, который заслужил свое

имя тем, что слепо и безумно любил медведей. Весь его замок был увешан шкурами зверей, пил он из медвежьих черепов, а на обед поглощал жаркое из молодой медвежатины, на которое шли совсем маленькие пуховые двухмесячные медвежата.

Солдаты, гвардейцы и прочий военный люд Лауритса был несколько более возвышен и воспитан, в отличие от наемников, разбросанных по всему Долу. Чистокровный лауритсянин никогда бы не позволил себе грязно шутить в присутствии дамы.

Дол Тысячи Лезвий и его столица Лауритс были союзниками Торвальда и Северной королевы Эрики; они ежемесячно получали оттуда золото, серебро и лучших наемных убийц, коими всегда хвасталась тщеславная Эрика. Взамен им приходилось яро охранять ту самую невидимую и незримую границу между Югом и Севером и полностью поддерживать кровавый режим безжалостных северян, получившим долгожданную власть.

Они не имели голоса и права выбирать.

Разве, что между проклятой жизнью и смертью.

Мать Скатти была выдана за принца Агвареса уже взрослой девой по желанию Медвежьего короля. Такие союзы всегда приносили пользу обеим заинтересованным сторонам.

Он хотел восстановить разрушенную экономику полуострова, вытащить простой люд из бедности, и думал, что брак послужит отличной торговой нитью для южных товаров в Лауритс.

Однако Бронзовый Лис не зря получил свое хитрое прозвище. Хальти (так звали нареченную принца) выдали за Агвареса и после этого он отослал добрую половину воинов-айдар к границам Юга, вплотную к Долу Тысячи Лезвий, дав понять, что он не желает сотрудничать с разбойниками. Медвежий король был в ярости, и в порыве злобы убил собственного водоноса. Он вообще был очень вспыльчив и яростным человеком, способным на любые безумства, даже, если его просто разбудили в момент, когда он видел сладостный эротический сон.

Но Агварес и его отец, король Раджи, получили, что желали: жену, которая знала все секреты знаменитого папочки, и страх медвежьих наемников перед немногочисленным народом айдар, бывшим в угнетении северными владыками.

«Как мне заслужить любовь...?», – все думала Скатти. Она вся была в мать: желтые с пеплом, словно седые волосы, прямые, без намека на волны, длиной до широких, полноватых плеч; румяное круглое личико с глубокими ямочками, и глаза, странные, близко-посаженные, маленькие и круглые, как у мелких лесных зверьков, бледно-голубого цвета, выцветшего, но не потухшего.

Вдалеке прокричала сойка, и Скатти поспешно развернула коня точно на Запад к каменистому Лауритсу.

Принц не жаловал Скатти, так как она была рождена не от любимой женщины, хотя Хальти всеми силами пыталась угодить мужу и была прекрасно в своей зрелой и строгой красоте, но мужчины слабы на привлекательную внешность, коей Хальти уже не могла похвастать. Ее длинные белые волосы до самых колен прельщали многих айдарских девушек, но уже не мужчин.

С ранних лет старшая дочь принца увлекалась поединками на деревянных, а позднее на стальных мечях. Глядя на ее полноватую, низенькую фигурку, расплывающуюся под тяжестью доспехов, и не поверишь, что она тренировалась у лучших мечников Айдара и достигла в этом деле немалых успехов. Хотя... все же ей постоянно чего —то не хватало, чтобы стать успешной в этом деле.

Ее отец всегда говорил: «Доспехи – не для дев, мечи – не для нежных женских пальцев. У вас есть другое, более сильное оружие. Но тебе еще рановато им пользоваться». Скатти нахмуренно бурчала, пытала, но продолжала ходить на занятия к мэтрам фехтования, благо мать поддерживала ее увлечение. Зато Раннвейг всегда получала внимание отца, когда он учил ее стрелять из лука. Почему оно так?

«Как мне заслужить любовь...?»

Она была добра по своей натуре, мягка, и не желала менять оружие по наказу отца или дедушки. Неплохо владеющая двуручным мечом – она еще не чувствовала вкус человеческой крови. Скатти, нелюбимый ребенок, была готова носить тяжелые доспехи, в которых в жару плависься как мягкое масло, омывать меч кровью, и шагать даже в опасный для молодых девушек, Лауритс только ради одной цели.

«Как же мне заслужить любовь отца...?»

Пробираясь сквозь чащу лиственных деревьев, Скатти с каждым метром чувствовала, как внутренности постепенно начинают холодеть. В густой осоке стала проглядываться незаметная тропинка, скрытая для неопытных глаз путешественника.

Скатти вспомнила, что в какой-то книге об устройстве Киритайна эта тропа называлась «Песнь Черной Вдовы»; ее стороной обходят осторожные путники, веря в страшный миф о Черной Вдове, которая безлунными ночами выходит на свою мрачную прогулку и затягивает слезливую, режущую слух, песню, вызывающую непреодолимое желание у слушателя бежать, бежать далеко от этого места, не заме-

чая дороги, опасностей – только этот воющий пронзительный вопль, не имеющий ничего общего с земным звуком, заполняет человеческое естество, и направляет ноги неизвестно куда.

Чаще всего к отвесному обрыву, откуда смельчаки сигали точно на острые камни.

Местные жители поговаривали, что несколько мужчин-айдарцев были найдены с выпущенными кишками и с вырезанными веками глаз, глядящими в беззвездное небо со спокойным и умиротворенным взором, будто понявшие что-то очень важное о жизни. Если к ним вообще вежливо применить слово «глядящими»...

Любимого и единственного мужа Вдовы убил воин-айдарец – лучший друг первого, поклявшийся в вечной дружбеи защите их семьи.

Скатти поежилась, и ей почудилась в кустах чья-то темная тень.

«Книги, эти дурацкие книги только усиливают страх перед действительностью. Прав был отец, когда говорил мне о том, что умный человек боится многих вещей, в отличие от глупого. А я не трусиха... нет, совсем не трусиха... немножко так совсем... просто волнуюсь».

На всякий случай девушка схватила рукоять меча, уставившись близорукими глазами в сторону темного пятна

между деревьями падуба.

«И вообще...» – она медленным шагом, стараясь не шуршать листвой, придвинулась к падубовой роще, окруженной ключевым ручейком. – «...и вообще, эта Черная Вдова убивала только мужчин-айдарцев... что ей дело до какой-то девушки? Разве что...» – Скатти представила себя со стороны, и поняла, что в стальных доспехах, обтекающих ее мощную, но пухленькую фигурку, можно узнать маленького мужчину или гнома с красивым молодым лицом. От этой мысли ей стало смешно. – «Гномов не существует... Как и Черной Вдовы. Она же не тупица, чтобы спутать меня с мужем... Я срублю ее глупую голову и положу в мешок – мой дедушка обрадуется такому подарку... Правда..ведь прошло много лет... Это наверняка не Вдова поет унылую песню Смерти, а...» – она ойкнула, и пот проступил на бледном личике Скатти, застывшей, как привидение: в зарослях падуба ей привиделось явное шевеление чего-то большого... черного... неуклюжего, и, оно напористо ломая кусты и хрустя поломанными ветвями, направлялось прямо к ней.

«Медведь!» – промелькнуло в голове Скатти, и она в ту же секунду вынула из-за пояса тяжелый двуручный меч, стараясь загородить собою беснующуюся от запаха зверя белую молодую лошадь. «Хорошо, что не Вдова... Пора бы начать свою книгу убийств, и лучше, если это будет животное... я не готова опустить лезвие на шею человека... пока еще...

только пока... Бывалые говорят, что это даже приятно. О, Боги!» – воскликнула она вслух последние слова. – Видел бы меня отец!

Огромный матёрый черный медведь с толстенными лапищами и когтями размером с добрый кинжал, вывалился из кустов, покрытый репейником и колючками, взлохмаченный и злой, будто после длительной зимней спячки. Он поднялся на задние лапы в полный рост и, завидев человека и лошадь, озверел еще больше, издавая густым хриплым басом обиженный, но свирепый рев. Жир на его лоснящихся черных боках переваливался и трясся, когда тот делал хоть один шаг. «Такой и лошадь сожрет за один присест...»

Лошадь, которую мне подарил отец.

«Убивать! Убивать!» – Скатти ощущала вскипающую кровь. «Пока она кипит, нужно наносить удар. Промедление подобно смерти. Мое первое слово, первая книга, первое разочарование... Первая кровь на моих руках! Воины айдар празднуют это событие как день рождения, так как это показывает, что ты уже не ребенок, ты обладаешь силой тела, мускулов и духа. Слабый духом ни за что не срубит нить жизни другого – его собственная нить еле зиждется. А это всего лишь медведь... А я – трусиха, спутавшая его с несуществующим персонажем детских страшилок. Этот медведь – моя

добыча, моя жертва, и я не отпущу его, пока не увижу бездыханное грузное тело у моих ног!»

Налившиеся кровью, выпученные глаза медведя показывали, что настроен он серьезно и был весьма голоден. Дыбом встала жесткая шерсть на загривке. От Скатти его отделяло десять шагов. Держа меч наготове, дева смотрела на него в упор, чем раздражала хищника все сильнее. Внезапный порыв ветра, сорвавший с ели гниловатую шишку был последней каплей для медведя, и, глухо зарывчав, он бросился вперед, как толстяк при виде зажаренной свиной ножки.

«Убивать-убивать»! Гулом, звучащие голоса в голове Скатти, отдавали ритмичной барабанной дробью, заменяя типичные лесные звуки, рев зверя и испуганное ржанье лошади. Гигантская туша черной мощи и мышц нависла над низенькой девушкой, но ее лицо искажала насмешливая гримаса подступающей агонии, агонии счастья, предвкушения победы... победы над смертью и ликования меча над клыками и когтями. Однако, она все же несколько обманывала себя. Ею двигали не кровожадные мотивы, а страх перед отцом...

Но в стройный звуковой ряд торжественных голосов и барабанной дроби, внезапно прилетел оглушающий, писклявый, и совершенно нарушающий общую музыку в голове Скатти, свист.

Огромное тело медведя неловко повисло в воздухе и глаза его вдруг потеряли былой интерес к человечине, потупив кровожадный взор.

Скатти, напрягая силы, только и успела совершить длинный прыжок в сторону, подальше от возможного падения подышающего животного. Она свалилась набок, словно куль с тестом, расплескивая грязь полувлажной почвы, но меч из рук так и не выпустила. Ее грязное, в тине и песке, лицо, постепенно накрывала тень надвигающегося гнева и разочарования.

Когда-то устрашающий и вечно голодный мишка навел страх на всех лесных жителей и заблудших путников... А сейчас он убит меткой стрелой прямо в голову, затылок, человеком, который скорее всего убил немало таких зверей. «Обычный охотник, скорее всего, старик, промышляющий шкурами для моего деда... Он отнял... отнял у меня мою добычу! Добычу, которая должна была стать моей! Моей первой жертвой, отданной Богу Войны и Крови, священному Фаэрому, хранителю воинов, носящих мечи!»

Скатти в порыве ярости и разочарования вскочила на ноги, неловко поскальзываясь на мокрой земле, смешно семеня толстыми ножками в стальных поножах, гремящих, как битая посуда.

«Где, где этот обидчик, где этот подлый вор, что сумел обокрасть девушку?! Он познает вкус лезвия моего меча!» Перешагнув через дохлую тушу медведя, она отчаянно устремила взгляд в чашу падубовой рощи, но никого там не увидела. Ее прерывистое, громкое дыхание смущало ее и мешало сосредоточиться. «Это не я слабая... я сильная и выносливая... Доспехи, меч, долгая дорога из Айдара – все сказалось на моем самочувствии... Дыши спокойно, Скатти... Что бы сказал отец, увидев, как ты, запыхавшаяся и неуклюжая, так глупо упустила врага из виду? И не смогла завалить медведя... Он бы расстроился и разочаровался бы в тебе...»

– Выходи из рощи, трусливый воин, если не хочешь отвратить моего острого клинка! Я выпотрошу тебя как праздничного гуся и отдам на съедение черным медведям, что кишат тут как мухи! Выходи, трус, несчастный воришка, и я покажу тебе, из чего сделаны девы Айдара... – закричала Скатти в гущу деревьев, брызгая слюной.

«Слишком пафосно и с чересчур трагичной ноткой в голосе. Но не все ли равно?» Она вдруг блаженно почувствовала умиротворение и некую истому, окутывающую все ее отяжелевшее тело.

«Как же хорошо... Отец бы гордился мною... полюбил бы меня за такую смелость, за храбрые слова... Я сделана из ста-

ли, не из шелков и бархата, как многие айдарские девицы, заботящиеся лишь о красоте волос. Полюби же, полюби меня... Сейчас же...»! Но странные и неуместные мысли, непонятно каким образом посетившие ее светлую голову внезапно улетучились. «Я сделана из стали...из стали... ай!»

Будто тонкий укус комара, толстой иглой вошел ей сзади в открытый участок шеи, и, пошатнувшись, Скатти выронила меч и рухнула лицом в хлюпающую грязь, перемешанную с кровью убитого животного.

... – Из лжи... Все айдар сделаны из лжи...

Черная высокая фигура в капюшоне неслышно прошеле-стела мимо обмякшего тела Стальной девы, задев ее сапогом.

Следы оленя на сырой земле,
Туман свинцом ложится тихо.
Как грустно мне, как тошно мне,
Избавь меня от яростного лиха!
Мне холод разум отбивает;
Брожу во тьме, как призрак дня.
И южный бог меня не защищает —
Мне жгучий холод стал источником огня.
Израненный волчонок громко лает —
Придет на помощь стая и семья.

Спасать изгоя же никто не станет.

Брожу во тьме,
Извечно я одна...

Слепящий солнечный свет больно давил на глаза Скатти, и она трусила открывать их, заслышав знаменитую песнь Черной Вдовы, исполняемую почему-то противным мужским голосом с петушиными, задиристыми нотками, словно исполнитель ставил своей целью прокукарекать как можно смешнее. Она попыталась пошевелить ногами и руками, но поняла, что связана тугими веревками. Доспехов на ней уже не было.

Вонючий запах тухлой рыбы витал в воздухе, отдавая кислым потом и лошадиным навозом.

«Заморыш!» – прошумело в сонливом уме Скатти. «Маленький мой Заморыш, что они сделали с тобой»?! Ватные конечности начинали потихоньку отходить, напоминая о себе жуткими коликами, доходящими даже до самых ушей. «Яд! Это был яд! Мой враг убил моего врага, забрал мою победу себе, так еще и отравил меня. Уж лучше он пристрелил бы и меня тоже! Охота лежать тут как раненая лошадь, без оружия, без чести... Папа, что сказал бы папа?!»

Тут Скатти совсем всполошилась и с силой распахнула сонные, пухлые глаза, как у только, что проснувшегося мла-

денца.

«Без чести...? Этого не может быть... Это шутка, простая шутка лесных охотников... Напоминание о том, что наивным, близоруким девушкам в лесу стоит всегда носить шлем на голове, а не на крупе лошади...» Покрасневшие глаза девы наконец сконцентрировались на окружающем мире, хотя все, что ей хотелось в настоящий миг – оказаться во дворце Золотого Льва за чайным столиком мамы, распивая горячий кофе с мускатным орехом в компании Бронзового Лиса.

Связанные прочнейшей падубовой веревкой, ноги Скатти чуть опухли и вздулись из-за сильного давления, утопая при этом в сельской грязи, неподалеку от куриных насестов и сарая с отощавшими коровами. Мимо сновали толстощекие румянолицые барышни в изодранных платьях с тяжелыми ведрами воды в каждой руке; босоногие дети, гоняющие чернозадых кур, весело косились на сидящую в луже дерьма и мусора деву с открытым от удивления ртом.

Скатти, хрустя шей, повернула голову и обомлела.

Город со всех сторон был окружен забором с выструганными острыми деревянными пиками, на которых красовались полусгнившие человеческие головы, выражения лиц которых были искажены мученическими гримасами. Жужжание мух затмило мысли девушки, и она чуть было не потеря-

ла сознание. Что-то хлопало и звенело, ударяя Скатти в самые виски пульсирующим, болезненным звуком. В центре поселения стояла высокая черная башня с узкими окнами, грубо сколоченными мостиками и разваливающимися лестницами, охраняемая, однако, дюжиной лучников и копейщиков в длинных фиолетово-пурпурных котах с гербом быка на желтом фоне, вздымающего на рога голову человека.

«Это не Лауритс.»

Глава 8. Три брата

Бранд, утопая в мягких кресельных подушках, неотрывно глядел на веселый потрескивающий огонь в камине, который как ни трещал, а согреть огромную, холодную залу, пустующую большую часть суток, не мог. Мечтательно прикрыв глаза с сетью мелких морщинок, выдающих его «зрелый», но не потрепанный возраст, он расправил свое домашнее бархатное одеяние цвета переспелого граната и пустил мысли в свободный полет.

Что может быть лучше вина и камина?

«Только отапливаемая спальня», – поежился Бранд, накидывая на сальные черные волосы капюшон халата. Сколько раз он напоминал Ранду и Кати оборудовать камин в спальнях, обеденном зале и везде, где только можно их поставить.

«Если бы я мог брать камин с собой...» – Бранд, потягиваясь, зевнул, словно медведь, только что вылезший из спячки. «...То, возможно, охотился бы до вечера, как этот ветрозадый Ранд. И где его ноги носят? Так и ужин негоже пропустить... Что сегодня приготовит толстая Уна? Надо будет усилить контроль над ней. Что-то мягкий дэдхолльский хлеб с тмином стал быстро пропадать... Но готовит она как богиня, тут уж судьба улыбается ей... Мда...» – человек, пону-

рив отяжелевшую голову, стал похож на угрюмого бурдюка, пьющего уже неделю.

«Оттого у меня такое пузо выросло! Не было такого раньше. Хотя и жизнь раньше была куда интереснее... Но все изменится... все изменится, куда там без злоключений братишек... А Кати смеется и саркастирует, а Уна подкармливает любую свободную минутку. Пузо не может сделать выбор в таких противоречивых условиях!»

Крупное, но все еще мощное в плечах, тело Бранда содрогнулось от накатившего приступа смеха. Он смеялся и смеялся, все больше над собой и своими слабостями, запрокидывая чуть поседевшую голову назад и вспоминая себя юного, стройного, однако не такого сильного, как сейчас. Захотел бы он прямо сейчас снова стать красивым и сильным? Один щелчок пальцев... Что может быть лучше молодости?

Только вино и камин.

Бранд слышал, как Уна нарочно громко хлопчет на кухне, грохоча посудой. Пожилую кухарку он забрал в Одинокый замок Трех братьев из Видархолла, во время Кровавого восстания наемников против Медвежьего Короля. Братья бились за сторону наемников, но в тот день никто их не запомнил, ибо подобная тактика была их целью. Уна, окровавленная, с избитым лицом и порезанными руками, чуть

не на коленях приползла к ногам Бранда, который из братьев считался одним из лучших мечников, часто проявляющим жалость к несчастным.

Бранд пожалел сердобольную женщину – его жесткий характер моментально превращался в податливую мягкую глину, когда неподалеку оказывалась женщина. Неважно, какого возраста, рода и сословия.

Но тут аромат пирога с печенью и луком занял все возможные мысли Бранда, и его ноги в меховых бобровых тапках сами собой понесли его на кухню. «Оставаться равнодушным, когда в животе пустующая бездна? Так и околеть от мороза недолго... Хотя кого я обманываю?» – Бранд глухо засмеялся собственной шутке.

«Не хватает теплого девичьего тела... Зарыться лицом в мягкие волнистые волосы... они так пахнут, чем-то сладким, возможно, медово-сливочными пирожными... Ах, Ингрид... бедная, несчастная Ингрид... В каких зловещих уголках Красных Пустошей блуждает твоя ненасытная, неприкаянная душа? Чего тебе не хватало, рыжая чертовка, и как же грустно наблюдать за твоими приключениями?! Куда, куда приведет тебя ненасытная тяга к справедливости?» – остановившись в дверях кухни, Бранд тупо поглядел, как плотные руки Уны с ямочками на локтях замешивают очередную порцию теста. – «Таких как ты, Ингрид не бывает... Ты рождена не для этого мира, не для меня. Таких стоит по-

искать во всем Киритайне... Что может быть лучше прирученного живого огня в твоих сильных, мозолистых руках?»

Только вино и пирог с печенью...

Бранд все глядел на сильные кухаркины руки, а перед его глазами плясал дразнящий облик Ингрид с ее толстенной рыжей косой до самой земли.

Перед его глазами возникают быстро сменяющиеся, пестрые картинки. Она танцует вокруг костра, такая ветреная, недоступная и непонятная никому, даже знойному летнему ветру, чьей дочерью она точно является. Он шепчет ей украдкой: «Ингрид, Ингрид, обернись, я здесь! Я так долго искал тебя! Сколько лишений и потерь пришлось пережить мне, чтобы хоть глазком обнять твой загорелый, веснушчатый стан! Я не стану силой возвращать тебя. Ведь ты вернешься. Ты обязательно вернешься, если примешь себя и свою истинную природу... мою природу...»

Но не слышит его пылкая Ингрид, бросает в костер горсть сушеной ароматной травы и продолжает свою беснующуюся пляску огня, магии и только боги знают чего еще. Ее зеленые травянистые глаза смеются и плачут одновременно, босые смуглые ступни отбивают такт, погружаясь в теплый золотой песок, искры пламени окутывают ее бронзовое тело, волосы, кружатся в вихре дикого танца; она словно горная пантера – легка, сильна и грациозна, но далека и неосязаемая.

ма, словно сладкая ночная греза... «Такие, как она не живут долго, сгорают, как розоватый южный закат, столкнувшись с тьмой наступающих сумерек... Если, конечно, не изберут верный путь и не соединяться с этой тьмой... Ах, Ингрид... Ведь ты умна? Ты не совершишь еще одну ошибку?»»

Но все это большая ложь.

«Я гляжу, как Уна готовит ужин, вдыхаю чудесные ароматы специй и ванили, сплю до полудня, не вылезаю из теплых бобровых тапок уже целую вечность... Я забыл, что такое звон стали и запах крови на поле битвы, ровно эти сынки Эрики Ингольд. Единственное мое лишение и невосполнимая потеря – это ты, неприрученная Ингрид. Кто трогает твои волосы сейчас? Кто целует твои горячие губы? Я мог бы превратить его в прах, если бы захотел...

Если бы только захотел...

До размышляющего Бранда донеслись чуть слышные чьи-то мягкие шаги, ровно кралась дикая кошка, шагающая по скользкому полу, боящаяся спугнуть мышку.

– Ранд... Что за привычка, подкрадываться со спины?

Вздых притворного огорчения брата, спугнул все мечты Бранда. Ранд, нарочно громко шаркнув ногой, обутой в вы-

соченные, до бедра, кожаные черные сапоги, зашел в кухню, и, не удостоив брата ответом, шлепнул Уну по широкому заду, что вызвало у нее легкий неодобрительный смешок. Один из его приглаженных красных волос упал прямиком в тесто.

«Самовлюбленный петух... Столько дел, столько забот, Киритайн погряз в тьме и гнусных обещаниях лжекоротей, предательствах родных и друзей, а этот тощий красавчик только и знает, что пить вино в изысканной позе, обсуждать складки Уны и осуждать каждого, кто оказался в мятом одеянии, чумазом белье, замызганных сапогах... Хотя, конечно же, он переживает за Красные Пустоши, конечно, переживает, как отец за своих родных детей... А я...я тоже хорош», – в свою очередь вздохнул Бранд, наблюдая, как Ранд, жуя лесной орех, самодовольно, покачивая узкими плечами, покидает кухню, подмигивая и так разозленной вконец Уне. «Такой живот отпустить мне непростительно... Когда-то я вызывал трепет даже у самого Медвежьего Короля... И это было буквально вчера. А сейчас меня шугаются лишь дворовые собаки.

А они шугаются всего на свете...»

Три брата, наконец, собрались все вместе за длинным столом в просторном обеденном зале с высокими резными колоннами, украшенными грубоватыми скульптурами существ

с рожками, соблазнительных женщин с копытами и хвостами и даже некими бородатými старцами с торчащими из пасти, клыками. Жар, веющий от натопленного камина, обогревал помещение до самого укромного уголка, поросшего паутиной, и братья, разгоряченные, кто от вкусного ужина, кто от долгой охоты на куро́патов, а кто, просто употел в меховых бобровых тапках, яро принялись спорить.

Это была их излюбленная забава.

«Ни один прием пищи у нас еще не проходил в мирной семейной обстановке» – отметил Бранд, уничтожая последний кусок пирога с печенью. «Как бы я мечтал бросить все и махнуть на соседний материк... Земли Призраков не приняли бы меня... Ведь я не Ранд, да, точно не приняли бы... Северянин не выживет в таких пустынных, загадочных и, безусловно, зловещих местах. А уж я-то, – он хихикнул. – «Те, кто побывал в Красной Пустоши, возвращаются другими... Если и возвращаются... глупцы... Безрассудные смельчаки без мозгов... как много моих товарищей по мечу сгинуло там, пытаюсь отыскать скрытую магическую тайну кровавых песков...! Но Ранд, коварный мой братец все предусмотрел! Такой разгильдяй, но Красные Пустоши обязаны ему многим. Жаль, что про него все забыли. Как и про всех нас...»

Шум неугомонных братьев не давал Бранду сосредоточиться на своих мыслях, возвращающихся к Ингрид. Он,

сдвинув брови, хмуро покосился на брызгающего слюной, белокожего и бледнолицего Кати, размахивающего перед надменным лицом Ранда столовым ножом, а тот в свою очередь отпускал в ответ крепкие словечки. Глядел, но отнюдь не понимал причины их ссоры.

«Дурачьё... словно воронье крикливо... Как надоело контролировать, наказывать, ужесточать и усиливать гнет, следить за порядком, прятаться и притворяться. Бросить бы все и махнуть подальше...

Туда, где солнце всходит два раза за день... Туда, где Ингрид танцует у костра... Туда, где место Ранда занял Алый Волк, Повелитель Крови».

«Дикари Земель Пустошей поклоняются Алому Волку – могущественнейшему темному божеству с двумя головами. Они приносят ему в дар собственную кровь, налитую в черепа шакалов, а одежду воина стирают в волчьей крови, веря в то, что она придаст сил и отваги молодому солдату. У них нет ни королей, ни вождей, ни мудрых старцев... какая-то иная сила помогает им..ведь сколько раз выходцы с Кири-тайна пытались подчинить себе дикарей – столько раз Омут Страха, что в Лучезарном Море окрашивался алой кровью горе-завоевателей.

Кровь – питает жизнь, так говорят жрецы Красных Пустошей... И ведь правду говорят, только жаль, что не теми губами.

Человек, не понимающий ценности крови, вскоре сам теряет ее».

Что искала Ингрид в Красных Пустошах? Зачем ушла странствовать именно туда? Ведь она все потеряла...»

– Твоя стерва искала сильного самца, способного дать ей защиту, а не слабого на передок, кобеля, каким ты и являешься! Правда? Она не даст соврать. – прилизанный Ранд, похотливо поманил кухарку пальцем, но та гордо вскинув волосами, скрылась за углом. Бранд стиснул зубы, сжимая кулаки под столом.

«Кровь питает жизнь... Моя кровь давно выпита этими двумя нетопырями». – Я сломаю тебе ребра, как тогда, помнишь, Ранд? Я растолстел, но не ослаб. – красноволосый худощавый братец, похожий своим узким, гладко выбритым лицом больше на шаловливого подростка, чем на мужчину, озабоченно щелкнул зубами, улыбаясь хитрой, лисьей улыбкой. Не зря его кличут Ранд, Багровый Петух.

– Этот мир прост, как орех, что только что проглотил Кати, – вызывающе бросил Ранд, закидывая ноги в высоких сапогах на стол. – Мне интересно, ох, как интересно наблюдать за ним, особенно за Севером, – язвительно добавил он, на что Бранд лишь тяжело вздохнул, покачивая головой.

Но Ранд не успокаивался, ядовито улыбаясь.

– Бабы – народ простой, как и мужи. Ты имел кучу женщин из жалости, приводил в замок бездомных попрошаек, в надежде, что хоть как-то очистишь и изменишь этот мир к лучшему. Твое проклятье... Твой рок, о да... Киритайн – это мусорная куча, вперемешку со свиным дерьмом и грязной кровью проходимцев и убийц; женщина хочет спрятаться под надежное крыло защитника от этого ужаса, которое как-то скрасит ее тяжелую жизнь... Нет, не отворачивайся, Бранд, я всегда говорю правду, мерзкую, противную, но правду, ведь! Да? Ха-ха, ну ты и тупица, какой ты у нас тупица! Твоя ненаглядная Ингрид ждала тебя в твоих покоях каждую ночь, я видел, как дрожали ее руки, ресницы, все тело, когда ты в очередной раз приводил свою новоприобретенную жалкую пассию, нуждающуюся в «покрове»! Сколько таких несчастных ты «покрыл»? Хах, какая забавная история! Демоны обретают чувства, смертные разбивают их ледяные сердца! Я сейчас обделаюсь от смеха, вот гляди!

И она ушла. Правильно сделала, чертовка; лучше бы еще вдобавок перерезала тебе горло во сне. Больно бы было, помучался пару дней, но может быть стал бы умнее? Стерва стервой, но она подарила тебе жизнь... Смертные умеют делиться жизнью. Отдавать ее во имя чего-то... А что можешь ты, Бранд? Ты отсиживаешь булки на одном месте уже месяц и не собираешься выйти на воздух... посмотреть, что намечается... что грядет... и каков будет итог... Кати недоволен,

шибко недоволен тем, что происходит, и он меня даже пугает своим хмурым взглядом! – он кивнул на Кати, и тот кисло осклабился звериным оскалом, наливая себе вина со специями.

– Я не буду оправдываться, Ранд... Ты предельно честен, как всегда, хоть я и хочу выпустить погулять твои кишки, – неуверенно парировал Бранд, опуская взор.

«Я жалок... Я всего лишь червяк, пылинка, летящая туда, куда занесет ее переменчивый ветер. Я стал почти человеком. Слабым и бесхарактерным. Спасибо тебе, Ингрид. И... Прости, прости меня, я заслуживаю смерти и ужасных предсмертных пыток, которые мне никогда не светят. Я жажду испытать их от тебя и никого боле... никого боле».

Кати вдруг хрипло засмеялся, и, утирая губы салфеткой, молча вышел из-за стола, не произнося за обед ни слова. Братья проводили его взглядом и переглянулись. Губы Ранда подернула кошачья ухмылка и, переглянувшись с бледнолицым братом Кати, он выпалил:

– Раннвейг Ингольд уже здесь?

В Киритайне наконец-то станет весело. Самое время выйти из тьмы, поглазеть на готовящийся спектакль. Ты с нами, Бранд?

Снова братья берутся за свое. Бранд на секунду прикрыл

глаза. Каждый раз, когда он закрывал их, ему виделась его жуткая смерть от кинжала рыжеволосой девы, вонзающей его прямо в шею. «Что может быть слаще и приятнее?»

– Это твоих рук дел, Кати? – недовольно осведомился Бранд, будто хотел пожурить его, как отец бранит провинившегося сына. В синих, как глубь бушующего и беспокойного океана, глазах Кати вдруг вспыхнул озорной огонек. Зрачки его были продолговатые и узкие, как у змеи.

Обнажив белоснежные зубы, он тихо прошептал:

– Она отлично сыграет свою роль неудачницы...

Глава 9. Первый враг

«Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого».

Говард Ф. Лавкрафт

Дружелюбно распрощавшись с обитателями приюта, которых мне по человечески стало жалко, я неспешно седлала Черныша и складывала в дорожный мешок некоторую провизию, коей меня снабдила толстая хозяйка. Я старалась растянуть время на как можно более долгий срок, еле-еле укладывая фляжки с водой и черный хлеб с тмином в мешок. Мне все же хотелось обнаружить старого рыцаря у себя за спиной, пьяного, воняющего перегаром и овечьим дермом, неважно какого, лишь бы хоть чья-то милостивая душа проявила ко мне внимание и заботу. Чувство одиночества и ненужности стало глодать меня все сильнее с каждой минутой.

Я не знаю, почему мне захотелось отдать рыцарю все свои деньги. Дурацкий поступок? Хм... Это вообще было абсолютной неожиданностью даже для меня. Может быть, они ему нужнее? Вряд ли меня сейчас интересует какое-то там золото, когда у тебя ничего не осталось... когда ты вообще сомневаешься, жив ты или мертв?

Никогда чужак не станет своим в своре диких собак,

сколько бы добычи он не бросил к ногам вожака.

Рассвет только зачинался, но мне почему-то казалось, что чем раньше начнется мое путешествие, тем скорее я закончу свою миссию, какой бы нелепой она не была. Мне правда казалось, что, я в какой-то компьютерной игре, где нужно было пробежать определенный участок на время и скорее сдать квест, чтобы получить награду... Пусть это и самая горькая ложь, но я надялась, что мое путешествие окончится очень скоро и благополучно, ведь такие люди, как тот старик-рыцарь не могут жить в злобной и черной стране...? Ведь так?

Ну-ну... Самообман и внушение – всегда были твоим коньком.

Теперь у меня нет денег, но есть капля гордости, ворох тайн и бездонная бочка страха, давящая тяжелой глыбой на мои плечи.

Главное – не задавать себе вопрос «а *зачем* я все это делаю?»

Кстати...

Когда-то в детстве на день рождения мама подарила мне сто рублей. В то время это было более чем достаточно обычному девятилетнему ребенку. Грезя о сникерсах, я направилась к ларьку, но на обочине тротуара меня встретил попрошайка в теплом зимнем пальто и меховой шапке в летнюю жару. Он что-то бурчал себе под нос и раскачивался взад-вперед, потрясая кружкой для сбора пожертвований. Конечно, мое сердце, жаждущее в таком возрасте лишь гору сла-

достей, так растрогалось, что я сунула ему сторублевую бумажку, и, не глядя в глаза, пулей помчалась домой. У меня горели щеки, уши, казалось, полыхали даже кончики волос.

Но отчего-то я стала так хорошо себя чувствовать, что с особенно зверским аппетитом принялась поглощать конфеты, купленные мне мамой к празднику. Ущемленной я себя уж точно не ощущала.

Вечером я снова вспомнила разодетого бомжа и понадеялась, что он купит себе легкую панамку или летние модные шортики, но через пару дней, опять встретила его на той же «паперти», но уже в другом рваном полушубке. «Вот глупый. Зачем летом покупать себе на милостыню еще одну шубу?! Старый дурак!» – разозлилась тогда я.

Конечно, сейчас, я никогда не посмеюсь над нищим, что бы он там ни придумывал, чтобы получить горсть монеток.

Я сама в не самом лучшем положении. И от мехового полушубка точно не отказалась бы, учитывая конечную точку прибытия.

За плетеным забором прокричал хилый общипанный петух, заставив меня вздрогнуть и чуть не упасть в сырое сено.

День начинался неплохо. Вздохнув, я в сотый раз окинула таверну нежным взглядом, вспоминая вкуснейший ужин и жесткую, но теплую постель. Закинув мешок за плечо, и ведя Черныша за поводья, я вышла за ворота гостиницы, утопая по лодыжки в сочной, мокрой грязи, вперемешку со сви-

ным дерьмом, хлюпающей при каждом шаге.

– Стой, чужестранка!

Улыбаясь про себя, я старалась как можно непринужденнее обернуться, не выказывая желаний. Значит, я дождалась. Мне жутко и непреодолимо хотелось ласковых слов или объятий; я просто не могла сейчас идти без поддержки, без поднятия морального духа... Самой чертовски трудно генерировать позитивный настрой, учитывая мой нудный, склонный к извечным депрессиям, характер.

Как, должно быть, людям было тяжело со мной там... в *той* жизни... настоящей.

Старый рыцарь в одной серой, измятой рубахе, похожей на ночнушку, чуть прикрывающей голые, острые колени, махал мне рукой, дымя при этом из длинной трубки. Позади него в дверях промелькнул силуэт хозяйки, с огромным подносом чугунков завтраков. Старик помолчал какое-то время, любясь прохладным утром и натягивая рубаху пониже, показывая, что вот он на самом деле приличный человек, просто в спешке выбежал попрощаться. Я глядела на него во все глаза, ожидая совета или прощальных слов, или проклятий, да чего угодно, лишь бы не уходить молча, как незваный гость!

– Твоя щедрость вознаградится в свое время. Молодость – штука странная, но иногда полезная. Был бы я молод – не сидел бы в вонючей таверне, а тратил бы время на блуждание по лесам в поисках смысла, приключений, еще более лучше-

го вина или рецепта пирога с почками.

И в свои шестьдесят лет я так не понял двух вещей, которые так и мечтал наделить особым драгоценным смыслом: *а стоит ли игра свеч?*

Ну, ты понимаешь, дитя, да? Когда я собирался совершить зло или добро, я всегда задавался вопросом – а стоит ли игра свеч? И никогда не мог ответить с полной уверенностью. Плевал я на ответ и шел наперекор всему, что могло меня остановить. Да... я был очень вспыльчив, что и погубило мою жизнь.

А я потом оплакивал друзей, мать и собственноручно убитую любовь... Да... не удивляйся. Люди в Киритайне способны на все.

Ты хотела совета? Я же вижу по твоим глазам, что ты одинока, как волк, потерявший стаю. Ты хочешь поддержки, но я тебе ее не дам. Не нуждаешься ты в ней, поверь старику!

Хочешь информации о том, что творится на Севере? Что ж... Только, если это и правда тебе так интересно, ибо говорить о тамошних делах и беспорядках мне надобности, да и желания нету.

Так вот мой вердикт – игра, что ведется там, не стоит свеч, как по мне. Но я стар, и это сугубо мое старческое ленивое мнение. Всегда задавайся этим вопросом перед важными решениями... – рыцарь усмехнулся, заметив мой взбужденный и заинтересованный взгляд. Я, наверное, производила впечатление трехлетнего малыша, который в та-

ком возрасте впитывает слова родителей, как губка, обретая при этом несколько дурашливое, отсутствующее выражение лица. – И что же второе? – нетерпеливо спросила я. – А второе... – старик чуть помедлил, обращая взор к безоблачному небу, по которому низко носились верещащие ласточки, громко охнул, опираясь на перила, и мрачно произнес:

– Этим миром правят демоны. Если хочешь справедливости в нем – отринь страх. Когда ты потеряешь страх смерти – приобретешь над ними власть. Если, конечно, они имеют слабые места. Я не сумел обнаружить их слабости... А когда получишь свою силу, то никогда не выпускай эту могущественную стихию из рук... Демонам скучно, дорогуша, как же им скучно, вот они и развлекаются, посылая на Кири-тайн войны, супостатов, лжекоролей... Но даже они поджигают хвосты, заметив спокойную, уверенную в себе силу. А она невозможна, деточка, без презрения к смерти, уж поверь мне. А что до меня – то я не достиг обретения этой силы. Увы, я так и остался старым трусом... Такова моя судьба, видимо.

– Вы видели демонов? – тут вырвалось у меня. Я не смогла себя сдерживать. Все становилось гораздо интереснее. Старик либо сошел с ума, либо, правда, слишком много знал. – Как их распознать?

Рыцарь как-то отрешенно и с опаской поглядел на меня, будто в пустоте бездны увидел зияющую черноту или чудо-

вище.

– Их трое, – старик отвечал только на последний вопрос. – И встретить их можно, где угодно, когда угодно. Обычно они очень красноречивы и колки на словцо. А иногда молчат так громко, что кровь стынет в венах, переставая совершать свой привычный ход... Их обаяние может и покорить, и убить...

В зависимости от наличия страха у тебя внутри. Кто знает, может следующая их игрушка окажется невинным путников на вороном коне с вечно открытым удивленным ртом... У демонов тоже есть слабые стороны... определенно есть, я уверен... Но мне, старому дураку, не удалось их обнаружить... Береги себя, милая... Свидимся может еще...

– Спасибо... – я была неудовлетворенна ответами, но устраивать допрос человеку с похмельем было бы некрасиво. Демоны, страх... больше напоминает фильм ужасов. Мне придется верить ему...? И скольким людям мне еще придется поверить, прежде чем напороться на предательский нож? Дурные, дурные мысли, пошли прочь!

Добродушно погрозив мне пальцем, рыцарь скрылся в дверях таверны, чуть покачиваясь на нетвердых бледных ногах, больше похожих на две лыжные палки.

Благодаря рассказу принца Агвареса и моему живому воображению, я пришла к выводу, что мне стоит поторопиться, если я не хочу попасться на глаза пограничным стражникам Дола Тысячи Лезвий. Нужно держаться востока, и тогда, через пару-тройку дней я выйду к подножью Одинокого Зам-

ка Трех Братьев, которые, якобы, никогда не покидали его пределов... Если конечно найду способ переправиться через Дэдхолл... Три брата – и есть три демона? Какая-то чушь...!

Но с другой стороны... Есть и другой обходной путь?

Солнечное утро сменилось мелким морозящим дождем, противно барабанившим по лицу и закрывающим мне весь обзор. Исчезли все поселения, рыбацкие деревушки и покосившиеся таверны, насквозь пропавшие солью и морем. Впереди вырастали молодые стройные ели, ароматные пихты и сосны, еще совсем зеленые, хрупкие, но уже прочные и вросшие корнями в низенькую травку, перемежающуюся со мхом и влажными почвами. Мне не хотелось седлать коня, ноги так и просили движения; иногда я припускалась бегом, отпуская поводья, и смирный Черныш недовольно трусил за мной, высоко поднимая копытца, показывая, вот смотри, как я из-за тебя напрягаюсь; а ведь могли бы просто шагать по тропе, неудержимая ты вертихвостка!

Я и раньше любила разговаривать сама с собой, заводить незримых друзей, представлять себя в облике чужого тела, но беседовать с лошадью мне еще не приходилось. Причем конь был явно умнее и опытнее меня, что делало нашу беседу совсем уж непродуктивной.

Мы брели по еле различимой, узкой, ныряющей в заросли, тропе, уводящей нас все дальше в гущу молодого, еще не пугающего своей дремучей атмосферой, леса. Дождь усиливался, но уже не раздражал: ветра не было, а капли теплы-

ми струйками стекали по лицу и волосам. А ведь здесь никто не носит зонтиков... Или надевают шлемы? А как же ржавчина? Или тяжелый вес... А быть может, никто даже не задумывается о спасении от дождя, настолько это привычное явление здесь, как, например, подоить корову или ущипнуть незнакомку за пузо?

Я и, правда, чужестранка. Где бы я ни жила – всегда ею останусь.

...Но с другой стороны... Зачем мне Дэдхолл и Замок Трех Братьев? Туда вроде бы направляется принц Агварес, некрасиво будет с моей стороны показать ему свои неудачи и пустой кошелек... Хотя... он единственный, кто любит меня в этом неведомом мире и желает добра. Да только стыдно мне перед его величием и добротой ко мне. Я не заслуживаю этого. Я вообще ничего о себе не знаю, будто меня объяла амнезия.

Черныш испуганно мотнул головой в сторону: тропу перебежал огромный серый заяц, откормленный, жирный, будто питался одними куропатками... Или что там едят зайцы? Они же вроде охотятся на дичь? Что-то не припомню...

На мгновение я подумала о том, что здорово было бы обладать скрытыми талантами или способностями. Уметь летать, например. Или телепортироваться. Хлоп – и ты в Торвальде! Хлоп – и ты ускользаешь от меча Эрики в жаркий и далекий Айдар в объятия принца...!

В небе прошумела стая вопящих воробьев, мокрых

и взлохмаченных от дождя. Эта безмятежная природа расслабляет, так и манит прилечь под толстыми лапами ели, пожевать малину, пустить коня и послать все к черту. Как можно думать об обманах, притворстве, коварных лжецах и недостойных королевах, когда тебя окружает такая чистая, свежая от дождя, нетронутая красота дикого леса, неподчиненного руке человека? Невозможно, просто невозможно оставаться равнодушной к этой чудесной природе молодого леса. Видимо, мне всегда этого не хватало в моей повседневности... о которой лучше не думать... иначе я опять впаду в меланхолию...

– Очень просто, – внезапно убедила я коня. – Это не я иду на Север, складывать голову Королеве и ее сыновьям; не по своей воле мокну я под дождем, доказывая силу и стойкость тем, кто в меня слепо верит. Это все ты... Ты – глупенький вороной конь, уверенно шагающий по неизвестной мне дороге, ведешь меня на верную погибель, приправленную предсмертными пытками, если поверить рассказам принца, – несмотря на мои авторитетные заявления, Черныш продолжал семенить на длинных мускулистых ногах, иногда награждая меня суровым, укоризненным взглядом из-под полуопущенных ресниц.

Я сойду с ума, если не поговорю с кем-то, кроме зверя. «Пей вино, милая Раннвейг, кто знает, что будет завтра, бла-бла-бла...»

Ни вина. Ни денег. Никакой заботы о завтрашнем дне.

Будь у меня бутылка – я осушила бы всю, всю! Слышишь, Агварес?! Вопреки твоим заветам и предупреждениям! Вопреки судьбе, коей руководит сам черт, я напьюсь до смерти и буду сидеть под сосной и выкрикивать проклятия в адрес тебя, паразита, что присосался к моей груди, душе и заднице! Да! Именно ЗАДНИЦЕ! Чертов Крис, будь повергнут во тьму твой ненавистный мне облик! Теперь я не стесняюсь ругаться вслух! Пусть меня услышит каждый стражник Дола, поклоняющийся убийце медвежат! Бедные маленькие мишки! Каким надо быть извергом, чтобы есть таких крохотных малышей?!

«А как же Андрей?» – я похолодела от мысли о нем. – «Как он без меня? Без поддержки, без одного моего присутствия, дающего опору и уверенность в том, что ты, слабый котенок, но хоть кому-то нужен. Один на один. Глаза в глаза с этой ведьмой он погибнет в чарующем, но убивающем море ее черных глаз... Как я бы хотела очутиться с ним рядом... Хоть на пару минут... на пару минут...»

Остановившись посреди лесной опушки, холмиком возвышающейся между колышущимися на легком ветру, елочками, я поняла, что задыхаюсь от нахлынувшего гнева.

На себя и весь мир. Запах хвои, терпких цветов, лошадиного пота – все это поднимало во мне некий воинственный настрой, хотя как аромат цветов может подвигнуть на решительные действия? Если только романтическую женскую натуру, к коей я несколько себя не отношу...

Ветер продолжал играть в моих влажных волосах, ероша гриву коня, будто заигрывая, дразня, приглашая меня наконец-то начать игру, а не продолжать вести политику неуверенной, забитой продавщицы из книжного магазина, забывшей, что такое чувства, эмоции и умение ясно выражать свои мысли понятным языком. Ветер... только этот неудерживый и непостоянный ветер, игривый, навязчивый, чуть нагловатый делает всю тяжелую работу возможного собеседника, не нашедшего вдохновляющих слов на поднятие боевого духа.

Черныш вдруг поднялся на дыбы, громко заржав, и капли дождя, вперемешку с животным потом, заскользили по его бугристому, мышечному крупу, отливающему блестящим черным серебром гладкой шерсти. Опомившись, я огляделась вокруг, неожиданно выпустив поводья из руки. Ведь мы в лесу. А лес – не уютный домик с камином и теплым ужином, как я бы не хотела этого...

Странное, должно быть, мы производили впечатление: мокрая, как мышь, девушка, застывшая с разинутым ртом и гримасой скорченного злобного гнома, грозящая в небо сжатым кулаком и кричащая в пустоту серых туч громкие слова; свирепый, гигантский конь, словно телохранитель, сверкающий пламенным взглядом по сторонам, походящий больше на посланника ада, чем на послушную смирную лошадку. И кое-кто еще...

Враги, окружающие нас со всех сторон. Опушка стала на-

шей смертельной ловушкой.

Около десятка желтых, горящих, голодных глаз, жадно пожирающих нас холодным лютым взглядом, уставились на нас с одной целью: разорвать в клочья, вкусить замерзающую от дождя кровь и оставить тела на долгое гниение в столь чудесном хвойном лесу, источающем умиротворяющие терпкие ароматы...

Ароматы смерти?

В любой экстремальной ситуации я не сохраняю чувство юмора, увы. В этот миг я четко осознала, что сейчас мы станем плотным откормленным обедом для серых хозяев этих мест. Отчего-то я больше не боялась умирать. Моя первая смерть была скорее внезапной, чем болезненной. Но сказать, что это было приятно – было бы абсолютной ложью. Мы были окружены кольцом врагов, первых врагов здесь у меня, которые явно не хотели идти на компромиссные переговоры. Я вооружена до зубов, но на мою трясущуюся от страха душу никто так и не одел защитный доспех.

Однако, один из волков, определенно, вожак, огромный, больше остальных, пушистый, преимущественно белого окраса, с широкой грудной клеткой, сбившей не одного оленя, был настроен более чем воинственно. Он «улыбался» свирепой ухмылкой, обнажая длиннющие, толстые клыки, морщась от наступающего гнева и нетерпеливо переступая с одной когтистой лапы на другую, то пятясь, то внезапно приближаясь, вздымая комья сырой земли. Его собратья

жадно глядели на наши испуганные фигуры, жавшиеся друг к другу, но первыми не нападали, ожидая сигнала вожака, развлекая себя глухим пугающим рычанием. Я немного разбираюсь в волчьей психологии их документальных фильмов по Бибиси и понимала, что все они – повторюшки, следующие только действиям и приказам вожака.

Сломить их лидера уже означало маленькую победу. Но волки чуяли наш страх, и явно раздражались, чувствуя мою тревогу.

Всего лишь тревогу. Однако страх мой внезапно куда-то улетучился.

Я не боялась их, нет, совсем не боялась, напротив, была счастлива как тысяча слонов на долгожданном водопое в иссушенном крае, что вот, наконец-то, меня постигли приключения! Я дождалась! Как долго я сидела в коконе собственных разочарований, предубеждений, запертая в мире книг. А теперь... теперь... я сама будто персонаж книги, пишущий свой сценарий самостоятельно. Хах... надолго ли я смогу задержаться в этом сценарии?

Черныш совсем взбесился, поднимаясь на дыбы и выворачивая шею дугой, яростно копая землю. Но он не готовился к побегу, о нет! Я мельком взглянула на его морду, по которой текла пена и устрашилась взгляду, полному некоей человеческой сущности, разума, или же я просто ошалела от упавшей на нас опасности.

Белый вожак, глядя мне прямо в глаза, крадучись, мед-

ленно и тихо подошел к нам ближе, сторняясь беснующегося коня и не прекращая угрожающий рык. Я глупо и неуместно улыбнулась ему в ответ и вынула кривую саблю из ножен, крепко сжимая рукоять, интуитивно понимая, что я должна вспороть ему шею или отрубить голову, накинься он на меня прямо сейчас. Дрожь пронизала все мое тело, подползая к кистям рук, но встряхнув тяжелой саблей, я уняла ее, и облизнув пересохшие от затрудненного дыхания, губы, направила острие лезвия прямо на волка. Мне было плевать на остальных членов стаи, которые тем временем сжимали кольцо-ловушку, отделяя нас от спасения.

«Они разорвут Черныша, который прикрывает мне спину, а пока они будут пожирать его плоть, я снесу их серые морды... Только бы не сглупить, не промахнуться... не испугаться... Страх – это самый ужасный порок, вызывающий прочие беды. Страх – это опора и фундамент кривой дорожки, ведущей лишь к смерти... Его нужно отринуть – тогда обретешь силу.»

Я достаточно гибла последние дни.

Пожелтевшие зубы вожака звонко шелкнули в трех метрах от моей коленки. Его глаза, умные, расчетливые, такие хитрые не сводили взора с моего возбужденного лица.

«Спокойно, Раннвейг... Ты Раннвейг, карающая длань принца Агвареса, спасительница айдар...как бы глупо это ни звучало, но быть живой лучше, чем гнить в земле... если только выживу... вот только выживу и...» – клыки вожака

вновь захлопнулись в паре метров от моего бедра, и я моментально развернулась вбок, заставляя хищника следовать за мной. – «Только выживу и...отыщу вина и чьи-нибудь объятия... мужчины, женщины, неважно... Хороший песик, хороший!! Если только выживу!!!»

Худой облезлый волк, явно переживший не одну зиму, позади меня, цапнул коня за ногу, но тут же был награжден щедрым и мощным ударом копыта в бок, оглушившим серого. Он трусливо отполз назад, поскуливая и огрызаясь на обидчика.

«Так его, так его!» – ликовала я, подманивая белого жожака, отпрыгивая в сторону, каждый раз, как он пытался ухватить меня за ногу или бок.

Эта пляска длилась уже пару минут, а остальные члены стаи будто наблюдали веселый спектакль схватки человека и зверя, нарушаемой ляганием гигантского коня, от одного удара которого могли бы вытечь все мозги. Кто-то уклонялся и отступал, а некоторые молодые особи так и рвались в бой, натываясь на живой щит.

Щит, оберегающий меня и мою жизнь. Этот конь необычен, это точно... может его дрессировали? Если выживу, обязательно дам ему прозвище Оберегающий Щит...

Раннвейг Ингольд из Золотого Королевства Айдар и ее Оберегающий Щит.

Я прыгала вправо – волк щелкал зубами у моей правой руки, не страшась лезвия сабли; я разворачивалась налево,

и хитрый вожак, словно пастух заблудшей овцы, преграждал мне путь своей откормленной, холеной тушей, не знающей ранее голода.

«Но сегодня ты не получишь мою ляжку, как бы ни старался... я сильнее, я хитрее тебя, волк. Твои друзья не помогут тебе – их сердца пронизаны страхом от вида неведомого им зверя со смертоносными копытами и людским взглядом, полным ненависти и огня». Так я подбадривала себя, пусть и нелепо, пафосно и чудаковато, не отрывая глаз от вожака, следя за каждым его мягким, но уверенным движением, наполненным силой и мощью свирепого хищника. Игра с огнем казалась теперь мне детским лепетом.

Сабля была тяжела, и постоянно держать ее на изготовке было чертовски сложно, но стиснув зубы, я понимала, что стоит потерпеть... А еще стоит найти толкового учителя фехтования, если выживу... *Если только выживу...*

Дождь усилился, застилая мне взгляд, что играло стае на руку. Они, будто почуяли мое сомнение и минутное колебание и с новой силой принялись наносить укусы коню. Один из молодых щенков ранил Черныша, неглубоко, но это уже сказалось на его ловких движениях. Он обидчиво заржал, и словно посрамленный, надутый ребенок с удвоенной агрессией, бросился в кучу врагов, так и жаждущих его следующей роковой ошибки.

Еще один длинный прыжок, уклон, прыжок, и еще один шаг назад.

Я начинала задыхаться от напряжения и поднимающейся усталости в руке, держащей саблю, и понимала, что пора заканчивать эту бесконечную игру. Человек не может победить зверя силой, особенно стаю волков. Стоит смириться с этим?

Поднялся ветер, и тучи, черными валунами обрушились на опушку темного леса, будто сама природа понимала всю несостоятельность этого поединка стаи волков и одного слабого человека, пусть и с Оберегающим Щитом за спиной. Предатель-ветер трепал мои мокрые волосы, загораживая обзор, а капли уже холодного ливня, заливали мне глаза. Белый волк-вожак казался мне обычным мелькающим из стороны в сторону светлым пятном с горящими янтарными глазами.

Но во влажном воздухе с витающим запахом смерти, вдруг повеяло надеждой. За вековой сосной, упирающейся в самые разверзнутые небеса мне привиделся силуэт человека, но в эту же минуту острые, как бритва, зубы вожака впились мне в предплечье, проникая даже через прочную кожу наручей. Заорав от ноющей, невыносимой боли и от вида полившейся крови, как подстреленная утка, я со всего размаху полоснула хищника по спине, но ловко извернувшись, он оттринул назад; и шерсть его вздымалась от ярости, выражая его разочарование и возбуждение от вкуса крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.